

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»

ЛЕТОПИСЦЫ КУРСКОЙ ПОБЕДЫ

**Писатели и журналисты –
свидетели событий на Огненной дуге**

**Информационно-методические материалы
в помощь патриотическому воспитанию молодёжи**

Новосибирск
2018

**ББК 74.200.50 + 63.3(2)622
Л524**

<i>Составитель:</i>	<i>Ковалёва О.В.</i>
<i>Технический редактор:</i>	<i>Гребенкина О.В.</i>
<i>Дизайн обложки:</i>	<i>Анищенко Н.Ю.</i>
<i>Ответственный за выпуск:</i>	<i>Терентьева Т.Н.</i>

Л524 **Летописцы Курской победы. Писатели и журналисты – свидетели событий на Огненной дуге : информационно-методические материалы в помощь патриотическому воспитанию молодёжи / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалёва. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2018. – 47 с.**

В 2018 году исполняется 75 лет со дня победы в одном из величайших сражений Великой Отечественной войны – Курской битве.

Предлагаемый информационно-методический материал «Летописцы Курской победы» может быть полезен библиотекарям и педагогам, работающим со старшими школьниками, учащимися профессиональных училищ и колледжей. Он содержит материал о писателях и журналистах – свидетелях событий на Огненной дуге – «Летописцы Курской победы» и рекомендации по организации игры «Сверстаем газету».

ББК 74.200.50 + 63.3(2)622

© Новосибирская областная юношеская библиотека, 2018

Все историки, как гражданские, так и военные, сходятся в едином мнении – битва на Курской дуге окончательно предопределила исход Великой Отечественной, а вместе с ней, и исход Второй мировой войны. Сегодня интересны все аспекты происходившего летом 1943 года. Издание, посвящённое 75-летнему юбилею Курской битвы, содержит материал о писателях и журналистах – свидетелях событий на Огненной дуге – «Летописцы Курской победы» и рекомендации по организации игры «Сверстаем газету».

«Летописцы Курской победы» – это фрагменты дневника главного редактора газеты «Красная Звезда» Давида Ортеберга, которые могут служить основой литературной композиции как самостоятельного мероприятия, так и преамбулы к игре «Сверстаем газету».

Издание может быть полезно библиотекарям и педагогам, работающим со старшими школьниками, учащимися профессиональных училищ и колледжей, руководителям творческих кружков, Школ юных журналистов.

Летописцы Курской победы

В суровые годы войны, утверждал Николай Тихонов, нужно было не просто писать, а воевать словом, поставлять «душевные боеприпасы фронту».

Эти «душевные боеприпасы» поставляли героям фронта и тыла, прежде всего, центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда». За годы войны «Красная звезда» из ведомственного печатного издания превратилась в одну из ведущих общесоюзных газет, сохранив за собой это положение в «табели о рангах» все последующие годы. Такой свою «Звёздочку» сделали работавшие в ней люди. Война, например, застала корреспондента Александра Полякова в командировке в Белоруссии. И он тут же шлёт в редакцию телеграмму о начавшихся боевых действиях, опередив коллег из других газет. За 1418 дней войны маршрут командировок «редакция — действующая армия» был основательно проторён спецкорами «Красной звезды».

Впервые в истории отечественных средств массовой информации в редакции газет были направлены сотни советских писателей. Только в редакции «Красной звезды» работали Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Илья Эренбург, Николай Тихонов, Константин Симонов, Василий Гроссман, Андрей Платонов, Евгений Петров, Валентин Катаев, Илья Сельвинский, Алексей Сурков, Евгений Габрилович, Иосиф Уткин, Евгений Воробьёв, Александр Авдеенко и многие другие. «Родной полк», так называл газету работавший в ней с первых дней войны писатель П. Павленко.

Полная опасностей работа писателей в качестве военных корреспондентов позволила им находиться в самой гуще боевых действий, давала богатейший материал для ярких художественных и публицистических произведений.

В годы войны многие материалы «Красной звезды» воспринимались в войсках как руководство к действию, потому что готовились они по личному указанию Верховного Главнокомандующего, и вокруг них велась соответствующая организационная работа. Кстати, личное и телефонное общение главного редактора «Красной звезды» генерал-майора Давида Ортенберга со Сталиным рассматривалось в ту пору как норма непосредственного руководства печатью со стороны главы государства.

Каким содержанием была наполнена газета «Красная звезда» летом 1943 года? Слово главному редактору газеты Давиду Ортебергу. *(В тексте приведены выборочные фрагменты дневника Давида Иосифовича Ортеберга).*

Из дневника:

3 июня

«Июнь сорок третьего года. До великой Курской битвы остался месяц. Кто в начале июня мог сказать, что она начнется 5 июля? Но что решающее сражение надвигается, чувствовали и осознавали многие. Это определяло и отбор публикуемых в газете материалов. Печатаются статьи, темы которых упоминались во время наших последних встреч с Г.К. Жуковым. Это, к примеру, статья генерал-майора И. Людникова «Некоторые вопросы современной обороны», подполковника И. Федисова «Отражение массированных танковых сил», Петра Олендера «Удар танков по прорвавшемуся противнику». Особенно интересна статья полковника Б. Костина «Борьба за инициативу в бою».

Поразительно, насколько она была ко времени, словно бы автор писал ее не за месяц до Курской битвы, а после нее. Вот несколько выдержек:

«Борьба за инициативу в бою начинается задолго до того, как раздадутся первые выстрелы... Тому, кто подготовится раньше и лучше, кто сумеет разгадать планы неприятеля и противопоставить им собственные, еще более радикальные решения, — тому и будет принадлежать инициатива в бою... Нынешняя война дает нам, однако, немало примеров, когда наступление, начатое успешно, но без учета всех сил и возможностей противника, оканчивалось полным провалом».

Кончалась статья такими, можно сказать, прямолинейными строками, которыми мы заглянули в ближайшие дни: «Главное условие обороняющегося — стойкость. Она готовит почву для контрманевра. Она обезоруживает противника в начальный период боя, истощает его силы, лишает темпов, создает предпосылки для захвата инициативы в свои руки. Это находит свое выражение в контратаках, перерастающих затем в решительный контрудар, в наступление...»

Все это в известной степени и произошло во время Курской битвы: наши войска выдержали натиск врага, обескровили его и перешли в наступление...

12 июня

Почти в каждом номере на одном и том же месте — вверху третьей полосы — сообщения о налетах нашей авиации на железнодорожные узлы и станции многих городов — Гомеля, Орла, Брянска, Днепропетровска, Смоленска, Киева и налетах немецкой авиации на Волхов, Горький, Саратов, Ярославль. Больше всего налетов противника на Курск.

Это самые горячие точки войны. Все наши краснозвездовские авиаторы — там, где идут воздушные бои. В газете об этом репортажи, корреспонденции, статьи тактического характера. Занялся авиацией и Андрей Платонов. Обычно он в пехоте и присылает большие материалы на три и четыре колонки. А на этот раз прислал так называемую оперативную корреспонденцию строк на сто под заголовком «Земля и небо Курска».

Платонов — на КП авиационного соединения, наблюдает воздушный бой, слышит команды, видит всю «кухню» этих дел:

«Июньская ночь коротка для затяжного мощного боя. Сражение вышло в утренний рассвет, и теперь битву можно было уже наблюдать глазами. Вот с большой высоты один за другим падают три немецких самолета. Позже нам сообщают, что их сбил всего один человек — капитан Романов, истребитель. Он сперва сшиб последовательно в воздухе пулеметными очередями две машины врага, потом у него истощился боезапас, и тогда капитан протаранил живым ударом своей машины третий самолет противника».

Ну что ж, обыкновенный репортаж, непривычный и для Платонова, и для нас,— мы знали лишь его рассказы и очерки. Он рассказывает об одном удивительном эпизоде: «Два наших самолета «Лавочкин-5» взяли в клещи одного «мессера» и повели его между собой. «Мессер» выжимал из себя максимальную скорость, перегревая мотор на предельных оборотах. Наши же «Ла-5» шли без напряжения, имея в моторах запас мощности и, стало быть, скорости. Это настолько радовало наших летчиков, что они на некоторое время отсрочили гибель врага, желая, по-видимому, посоревноваться с ним ходом машин, но командиру, который увидел с земли столь странное соревнование, это не понравилось. И начался диалог между ним и летчиками».

Андрей Платонович услышал его и запомнил:

— Чего медлишь, «Береза»? — это говорит командир.

Отвечают с неба:

— А пусть он пропотеет, товарищ командир. Мы его добьем.

— Запрещаю этот пот,— приказал командир.— Одного пота — это мало ему.

— Сейчас добавлю, товарищ майор,— сказал летчик с высоты и в мгновенном маневре расстрелял «мессер».

Еще об одном удивительном эпизоде рассказал писатель. Это было в те же сутки воздушного сражения в районе Курска. «Все жители стояли поутру на улице. Люди то вскрикивали от радости, то затихали в безмолвии. Они смотрели битву в воздухе наших истребителей с машинами противника. «Мессершмитты» охраняли завывающие, тяжело нагруженные бомбами «юнкерсы», идущие потоком над нашей землей. Один наш истребитель пробился к двум «юнкерсам», шедшим рядом, один к другому, телом к телу, обогнал их, как стоячих, сделал фигуру и дал долгую одинокую очередь. Оба «юнкерса» задымились и пали к земле, сраженные одной очередью одного самолета. Это был редкий

удар, может быть, почти случайность, но тут случай попал на мастера, и мастер сумел им воспользоваться!»

30 июня

До начала Курской битвы осталось несколько дней. О том, какое значение придавали немцы этой операции — она готовилась под кодовым названием «Цитадель», — хорошо известно. Гитлеровский генерал писал: «Вся наступательная мощь, которую германская армия способна была собрать, брошена на осуществление операции «Цитадель». Цель — вывести Советский Союз из войны окончательно и бесповоротно. Реванш за Сталинград, захват в свои руки стратегической инициативы — все это поглощалось главной задачей — решительным сокрушением всей военной силы русских».

Стратегический план немцев состоял в том, чтобы прорвать оборону наших войск одновременно с двух противоположных сторон Курского выступа и встречными ударами с севера и юга отрезать, окружить и уничтожить советские армии.

Известен был и наш стратегический план. Ставка, как я уже упоминал, приняла предложение Г.К. Жукова — не начинать нашего наступления, хотя сил для этого у нас было достаточно, а измотать и обескровить немецкие дивизии в оборонительных боях, а затем уже перейти в контрнаступление.

6 июля

На первой полосе четыре сообщения за 4 и 5 июля. В первых трех, как утверждает Совинформбюро, на фронтах ничего существенного не произошло. А в последней сводке — кратко о том, что 5-го утром немцы перешли в наступление на орловско-курском и белгородском направлениях. Началась величайшая Курская битва. Все пока происходит как бы по сценарию Ставки и Генштаба: за три часа до немецкого наступления наша артиллерия и авиация нанесли мощные удары противнику, который понес большие потери, а главное, было дезорганизовано управление изготовившихся к атаке войск врага. Немцы с задержкой, но все-таки начали наступление, а наши войска, как это предложил Г.К. Жуков, оборонялись, чтобы обессилить и обескровить врага, а затем перейти в контрнаступление.

На всех фронтах в районе Курской дуги — наши специальные корреспонденты. Битва развернулась на их глазах, и вечером и ночью вслед за оперативными донесениями в Генштаб по Бодо [буквопечатающий телеграфный аппарат по имени французского изобретателя Жана Мориса Эмиля Бодо (1845-1903), текст в нем печатался на бумажной ленте] поступили репортажи спецкоров. Под рубрикой «На орловско-курском направлении» и «На белгородском направлении» — первые материалы о сражении в этом районе, и я позволю себе изложить их подробно.

Наши корреспонденты сообщают, что с утра наши части ведут упорные бои с крупными силами пехоты и танков противника, перешедших в наступление на орловско-курском направлении. Наступлению предшествовала сильная артиллерийская подготовка. В 4 часа 30 минут вражеские дальнобойные орудия, выдвинутые на передний край, начали обстрел окопов и огневых позиций. Враг стремился к началу атаки подавить огневое сопротивление наших частей. Одновременно над позициями появилось большое количество немецких самолетов. Немцы надеялись, что внезапным массированным ударом всех своих огневых средств им удастся беспрепятственно приблизиться к нашему переднему краю.

Разгорелись жаркие бои. Началась контрбатарейная борьба. Не удалось немцам ввести нас в заблуждение и ложными переносами огня. Советская пехота укрылась в блиндажах и щелях, а когда враг действительно начал атаку, пехотинцы заняли свои места по сигналу наблюдателей. Первую атаку враг начал на участке одной из наших дивизий, она была успешно отбита. Однако через двадцать минут стало ясно, что эта атака должна была только отвлечь внимание наших частей от главного удара, который наносился в районе соседней дивизии. На этот раз в атаке участвовали крупные силы немецкой пехоты. Впереди

нее на узком участке фронта двигалось свыше 200 танков, поддерживаемых с воздуха группами бомбардировщиков в 20-30 машин. Среди танков противников были «тигры».

Бой принял чрезвычайно острый, напряженный характер как на земле, так и в воздухе. Наши истребители, вызванные по радио и барражирующие в районе боев, смело атаковали «юнкерсы» и охраняющие их «мессершмитты». Одновременно орудия прямой наводки и противотанковые ружья вступили в бой с танками. Заградительный огонь тяжелой артиллерии тоже нанес им большой урон. Тем не менее часть немецких танков сумела прорваться через первую линию наших окопов. Так было и на белгородском направлении.

Само собой понятно, что этот репортаж не дает полной картины начавшейся грандиозной битвы на Курской дуге. Да это и невозможно было сделать в первый день сражения. Наши корреспонденты рассказали лишь об отдельных, правда, характерных эпизодах. Широкое и полное освещение боевых операций — впереди.

На всех участках Курской битвы кроме наших журналистов находятся группы наших спецкорреспондентов-писателей: Василий Гроссман, Андрей Платонов, Евгений Габрилович, Борис Галин, Савва Головановский... Основательная, так сказать, литературная «гвардия». И все же решили послать туда еще и Константина Симонова.

В этом же номере газеты передовая статья с заголовком «Во имя Родины». Кроме репортажей, которые публикуются на первой полосе, из района боев стали поступать корреспонденции и очерки. Первая корреспонденция Константина Буковского называется «Борьба с немецкими танками на Белгородском направлении». Он пишет о втором дне немецкого наступления, рассказывая, как в ожесточенных сражениях наши войска выполняют главную задачу — перемалывают вражеские силы. Не умалчивает и о том, что противнику «на отдельных участках удалось незначительно продвинуться». Мы уже привыкли не очень доверять таким определениям, как «незначительно». Но на этот раз дело действительно идет лишь о нескольких километрах, на которые немцам удалось продвинуться.

Напечатана корреспонденция Петра Олендера «Как были отбиты четыре атаки врага». Это — уже на орловско-курском направлении. Немцы несут большие потери в людях и технике. И у нас, понятно, потери немалые. Константин Симонов, добравшись до 13-й армии, на КП 75-й гвардейской Сталинградской дивизии генерала Горишнего сделал после разговора с ним такую запись: «Вдруг вспоминает о потерях первого дня: «Я понес потери до двух тысяч человек и потерял 48 танков. Люди, я вам просто скажу, умирали возле своих пушек, но в свою очередь 50 немецких танков выбили».

Симонов вернулся позже, чем мы ожидали. Но это не беда: поток материалов из района Курской дуги был такой, что занимал каждый день по две полосы. Когда Константин Михайлович прибыл в Москву, он объяснил свое «опоздание»:

— Приехали мы к Пухову. Поговорили с ним ночью и отправились в дивизию Горишнего, принявшего на себя сильные удары немцев. Навидались всего, да и страху натерпелись. Но не могли уехать, пока не кончится бой. Утром, когда ожидали нового удара немцев, а он не состоялся, Горишний мне сказал: «Ох, боюсь, не пойдут они сегодня на меня». В этой фразе чувствовалась абсолютная уверенность в себе, ощущение, что все самое тяжелое позади, что дивизия выстояла. И комдив жалеет, что немцы сегодня на него снова не двинутся, потому что он их все равно при поддержке приданных ему восьми полков артиллерии остановит. А если не накинута на него сегодня или завтра, то этих немцев ему придется перемалывать уже потом, в наступательных боях. А лучше это делать в обороне.

И только, продолжал рассказ Симонов, когда это ощущение, связанное с короткой фразой Горишнего, у меня возникло, я почувствовал не только нравственное право уехать, но и понял, что сейчас знаю, о чем писать. Раньше у меня все, что я увидел, как-то распалось на эпизоды, на отдельные факты стойкой обороны, а теперь передо мной вдруг из одной фразы Горишнего «боюсь, не пойдут они сегодня на меня» выросла общая картина происшедшего. И мы немедленно выехали.

Но не все рассказал мне Симонов. Умолчал о том, как они выбирались с фронта. Об этом я узнал позже, уже не от него. Из дивизии Горишнего спецкоры перебрались в Поньри, в танковую бригаду Петрушина, где побывали раньше. А оттуда можно выбраться только ночью, ехать пришлось с зажженными фарами, и машина попала под артиллерийский огонь немцев. Один снаряд разорвался впереди, второй сзади машины. Словом, «вилка». Потушили фары — не помогло. Третий снаряд ударил рядом, и Халипа воздушной волной выбросило из машины. Усадили его и поехали дальше. И тут Симонов проявил тактическую сметку. Когда довольно близко разорвался еще один снаряд, он приказал водителю включить фары и гнать вперед. Рассуждал он так: если уже их засекли по свету, то теперь независимо от того, будет светить или нет, начнут класть снаряды вокруг. Надо, мол, быстрее выбраться из этой зоны.

Материалы о Курской битве носят главным образом информационный характер — репортажи о боевых операциях, о подвиге советских воинов, о тактическом искусстве командиров. Но это еще не все, что должна делать военная газета. Даже первые дни боев дают пищу для размышлений, позволяют извлечь определенные уроки. Понятно, что статьи об этом сразу никто не напишет. Но есть у нас, как указывалось, испытанный выход — передовицы. Не все, но многое можно ими сказать, и очень быстро. Так было и на этот раз. Все наши «военспецы» — на Курской дуге. В самой редакции мало людей, так мало, что и передовицу некому написать, да и с редакционной «вышки» этого не сделаешь. Выход все же нашли. Наши специалисты, находящиеся на фронте, получили наказ: после первых же дней боев написать передовую и прислать в редакцию хотя бы в черновом варианте, а в редакции мы ее уже доведем до кондиции. Так и было сделано.

Раньше всех передовую статью передал Коломийцев — «Громить танковые силы врага!», за ним Денисов — «Уничтожить вражеские бомбардировщики», Хитров — «Все силы обороны на отражение вражеских атак!» и другие. Все эти статьи одна за другой были напечатаны на третий, четвертый и пятый день Курской битвы. Важно, что статьи носили не декларативный характер, а основывались на опыте первых боев.

Илья Эренбург выступил с пронзительной статьей «Страхи Германии». Дело в том, что гитлеровская ставка промолчала о первом дне наступления немецких войск на Курской дуге. 6 и 7 июля немецкое командование решило из наступающей стороны превратиться в ... обороняющуюся. Немецкое радио сообщило, что наступление ведут не немцы, а советские войска. Этому и посвящена статья Эренбурга. Он объясняет, зачем это немцы делают: «Гитлер трусит... Наступая, Гитлер опасается неудачи. Он боится себя не только от русских пушек, но и от немецких шептунов. Если фрицам удастся прорваться вперед, Гитлер скажет: «Наши контратаки дали замечательные результаты». Если Красная Армия отразит удары немцев, Гитлер завопит: «Мы и не думали наступать». Страх бесноватого — хороший признак: он говорит о страхах Германии...»

Развивая эту тему, писатель высказал очень важную мысль. Для того чтобы не создалось впечатление, что немецкая армия ослабла и отразить ее атаки не столь уж трудное дело, Эренбург подчеркнул: «Конечно, немцы еще отчаянно атакуют. Если Гитлер столь не уверен в результатах своей операции, это не потому, что его фрицы стали воевать хуже, а потому, что Красная Армия воюет лучше...»

На второй день зашел ко мне Илья Григорьевич и показал любопытные радиоперехваты немецких сообщений:

«Советское наступление между Курском и Орлом провалилось».

«Советские части пытались проникнуть в наше расположение, но их атаки отбиты».

«В основном наши части удерживают все свои позиции...»

Это было передано Берлином в первые же дни немецкого наступления.

— Ну что ж, — сказал я Илье Григорьевичу, — напишите небольшую статейку в номер.

Час спустя Эренбург принес строк на сто заметку «Их наступление», в которой и был использован с ядовитыми комментариями писателя берлинский радиоперехват.

10 июля

Оперативная сводка за минувший день: «Наши войска на орловско-курском и белгородском направлениях вели бои с противником, продолжавшим наступление крупными силами пехоты и танков... Подбито и уничтожено 193 немецких танка и сбито 94 самолета...» Опубликовано репортажи наших корреспондентов.

Орловско-курское направление. Характерной особенностью обороны наших войск является стойкость и маневренность. Спецкор приводит такой пример: вчера около полудня немецкие танки, встретив мощный отпор, неожиданно изменили направление удара, повернули в другую сторону, стремясь обойти обороняющиеся части с фланга. Однако наше командование наперерез вражеским машинам бросило несколько артиллерийских батарей. Их быстро развернули. Орудия были так установлены, что прорвавшиеся немецкие танки попали в огненный мешок и оттуда уже не могли выйти. Более двадцати машин запылало в первые же минуты.

Белгородское направление. Ценою нескольких сотен подбитых танков противнику удалось в двух местах прорвать нашу оборону и продвинуться вперед. Обычно их танковая атака строится по такому образцу: впереди идут от 20 до 30 «тигров», за ними — самоходные орудия, затем попеременно с пехотой идут танки старых марок. Одновременно на ответвлениях дорог действуют мелкие группы легких и средних танков.

Сражение в воздухе. С неослабевающим упорством идут схватки в воздухе. Немцы, сосредоточив крупные силы своей авиации, в отличие от прошлого поставили перед собой одну задачу: помощь танковым и пехотным частям. Поэтому все воздушные бои протекают в полосе нескольких километров вдоль линии фронта...

Много написал Симонов в эти дни. Вот его очерк с полей Курской битвы — «Охотник за «пантерами». Выпукло нарисовал он портрет танкиста, поджегшего в эти дни четыре «пантеры»: Ерохин вспомнил о своей первой встрече с «пантерой», о том, как он «влепил» ей в лоб три бесполезных снаряда; как затем сманеврировал и всадил еще два снаряда, от которых вражеская машина загорелась: он нашел слабое место в «пантере» — дополнительные бензиновые баки — и понял, что надо бить по бортам напротив этих баков и тогда «песенка той «пантеры» будет спета». Рассказал и о том, как долго ему пришлось возиться с той «пантерой», где сидел, «видимо, опытный немец».

Передавая этот рассказ, Симонов в заключение от себя добавил: «Охотник за «пантерами», как называют Ерохина товарищи, еще раз улыбнулся своей озорной, лукавой улыбкой русского человека, который, как ни будь хитер немец, все равно перехитрит его. И в эту минуту мне показалось, что, может быть, его прадедом и был как раз тот самый тульский левша, который блоху подковал, — хитрый и смелый русский мастеровой человек, которому, как из истории известно, пальца в рот не клади».

Очерк «Охотник за «пантерами» занял на газетной полосе две полных колонки, но ночью, когда полоса уже была подписана, пришло официальное сообщение о бомбардировке нашей авиацией железнодорожного узла Орел и складов противника вблизи Болохова. По правилам, сочиненным наверху и связавшим нас, редакторов, по рукам и ногам, их положено было печатать только на третьей полосе и только на самом верху, то есть там, где стоял очерк Симонова.

Переверстывать полосы уже было некогда, пришлось очерк сократить на эти самые двадцать пять строк. Ничего не поделаешь, но очень было жаль сокращенного абзаца, который я привожу теперь: «У нас, между прочим, в первый день это начальству не понравилось, когда мы стали звать новые немецкие машины «тиграми» и «пантерами», — вроде сами на себя страх находим! Сделали замечание. Зачем это «тигры» и «пантеры»? Зовите их по маркам: «Т-5», «Т-6», «фердинанды». Но когда потом стали их жечь, то разговоров про название уже не было. «Тигр» так «тигр»! Даже складней рассказывать, что «пантеру» или «тигра» уничтожил, как будто не на фронте, а в Африке...»

Другой очерк Симонова назывался «Немец с «фердинанда». Зовут этого немца Адольф Майер, ему девятнадцать лет. Рядовой, обыкновенный немец. Он и заинтересовал Симонова своей обыкновенностью. Писатель почти стенографически записал длинную беседу с ним.

Когда началась война с Советским Союзом, Адольф Майер еще учился в школе. Он, как и его соученики, боялся, что опоздает на войну с Россией. А ныне? Куда там! Полное разочарование. Еще 4 июля, когда увидел массу боевой техники, надеялся, что эта громада «тигров» и «фердинандов» принесет успех. Но уже в первый день боя, когда запылали немецкие танки и самоходки, когда его «фердинанд» загорелся, он выпрыгнул, спрятался в воронке от снаряда и оказался в плену.

Понравился мне очерк и тем, что в нем, как и в других материалах Симонова, нет глянца — суровая правда войны. Если Адольфа убеждали, что новая техника, мощная и неуязвимая, сметет все на своем пути, то «мы никогда не говорили нашим советским танкистам, что их машины неуязвимы и непробиваемы. Идя в бой, они знали всегда, что машины их сильны, но что нет брони, против которой не нашлось бы снаряда. Они знали это, знали, что могут погибнуть, и мужественно шли и идут в бой. Для того чтобы пошли в бой такие, как Адольф Майер, их надо было обмануть, убедить в неуязвимости, преодолеть их страх смерти. В этом великая разница между людьми. В этом один из залогов нашей победы».

На страницах газеты новый автор — Евгений Воробьев. Ныне — известный писатель, в ту пору — журналист с любопытной фронтовой биографией. Откуда Евгений Воробьев черпал материал для своих очерков, где встречался со своими героями? Главным образом на «передке», в окопах, траншеях, солдатских землянках. Вот один из многих эпизодов.

Как-то ночью Воробьев пробрался в боевое охранение, где находился пулеметный расчет сержанта Ивана Вохминцева. Корреспондент предполагал побеседовать с пулеметчиками и еще до рассвета вернуться на КП полка. Но началась пулеметная дуэль, на переднем крае разгорелся бой. Обстановка осложнилась — немцам удалось отрезать боевое охранение от батальона. «Максим» Вохминцева работал с большой нагрузкой, и «гость» поневоле, став вторым номером пулеметного расчета, прожил в этом окопе двое суток. На третий день пулеметчиков выручили из беды, установилась связь с батальоном.

Время, проведенное в окопе, позволило корреспонденту не только описать обстановку на переднем крае, но и суровый быт окопа, его опасности и скупые радости, когда ночью приползал с термосом ротный повар и в окопе веяло пахучим дымом горячего супа или когда солдат мог напиться родниковой воды. Этот визит к Вохминцеву и был подробно описан в очерке «Окопная ночь» — в одном из лучших фронтовых очерков Воробьева.

Любопытно происхождение очерка «Пятеро в лодке». Пять храбрецов во главе с сержантом Иваном Петраковым переправлялись через реку, оставив одежду на берегу, но в касках и с автоматами. На противоположный берег высадились под сильным огнем. Немцы пытались уничтожить отважную пятерку. Петраков закрепил трос, обмотав его конец вокруг сосны. Трос помог бойцам перебраться на другой берег. Переправлялись на плащ-палатках, набитых сеном, на половинках ворот, на бревнах, связанных ремнями и проводом, на бочках. Есть в очерке такая сценка:

«Стоя по команде «смирно», Петраков доложил командиру батальона о выполнении приказа и сделал это так лихо, будто дело происходило на учениях в лагерях, будто не стоял он в чем мать родила, пытаясь унять дрожь и стук зубами от холода». Вряд ли корреспондент смог бы так достоверно описать происшедшее, если бы вместе с бойцами не переправлялся через реку, держась за... хвост лошади.

Не раз ради «нескольких строчек в газете» Воробьев оказывался там, откуда не всегда можно было выбраться целым и невредимым. Он был человеком необыкновенно скромным. Симонов говорил, что «воробьевскую скромность можно зачислить в поговорку». Скромнен — да, застенчив — очень, но это не имело никакого отношения к боевым качествам фронтового

корреспондента. Я не знал, что за годы войны он был ранен и дважды контужен. Он об этом никогда и не упоминал, рассказали его однополчане.

Об одном из боев, в котором Воробьев проявил незаурядное мужество, я прочитал в наградном листе, подписанном политуправлением и Военным советом 3-го Белорусского фронта. Документ этот, присланный уже после войны Центральным архивом Министерства обороны, не блещет литературными изысками, но по части фактов — бумага поразительная. Хочу его процитировать: «Капитан Воробьев Евгений Захарович, помимо заслуживающей всякого поощрения журналистской работы, отличился в последних боях как офицер и воин. Находясь в 169-м стрелковом полку 1-й гвардейской дивизии, тов. Воробьев оказался непосредственно в боевой обстановке, когда от него потребовалось мужество и самообладание. Капитан Воробьев оказывал помощь командованию полка, а кроме того, попав под ружейно-пулеметный огонь, спас трех раненых красноармейцев, оказал им помощь и вынес в укрытие, продолжая после этого находиться в полку. По поступившим в последнее время в редакцию отзывам капитан Воробьев находился вместе с передовыми подразделениями в боях под Кенигсбергом, под Борисовом, Каунасом, при форсировании Немана, по свойственной ему скромности об этом не говорил в редакции...»

Всю войну Евгений Воробьев прослужил на одном и том же фронте. В этой «оседлости» заключены свои плюсы и свои минусы. Наверное, в сравнении со многими спецкорами «Красной звезды» он был очевидцем меньшего числа событий, упоминающихся в истории минувшей войны, но зато он имел возможность более пристально следить за судьбой своих фронтовых знакомых и, живописуя этих людей, добиваться большей психологической глубины при описании их характеров.

Пожалуй, лучше всех об этом сказал Константин Симонов: «Воробьев стал превосходным военным журналистом, точным, оперативным, мужественным в выполнении своего журналистского долга и хорошо знающим войну, особенно ее передний край... Воробьев знает о войне наверняка гораздо больше многих из нас, казалось бы, тоже прошедших войну от начала до конца. Он знает, что происходит на переднем крае и вблизи него — в роте, в батальоне, на артиллерийских позициях, на наблюдательных пунктах. Это неизменно чувствуешь, читая его военные вещи: все подробности солдатского быта и все его трудности — разные в разные времена года; все нехватки этого быта и все его скромные мимолетные радости. Он точно знает, как именно организуется переправа так называемыми подручными средствами, и как перебрасывается штурмовой мостик, и как наводится вслед за ним временный. И что такое «пятачок» на том берегу, и как туда тянут связь, и как эвакуируется с передовой раненый солдат, и что такое доставить на «передок» горячую пищу. Он помнит, каких физических усилий стоит иногда десантнику не только влезть на танк, но и прыгнуть с танка, и множество других вещей, без которых достоверно написать все, что происходит на переднем крае войны, почти невозможно».

Иметь такого корреспондента, пусть даже нештатного, какая бы редакция не хотела!

12 июля

Не буду описывать все, что я увидел и услышал в тот день. А вот о том, как был организован наш прорыв обороны противника, стоит рассказать. Атаку решили начинать не после артиллерийской подготовки, как это бывало обычно, а в процессе самой артподготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Как объяснил мне Жуков, обычно, когда начиналась артиллерийская подготовка, противник укрывал свою пехоту и огневые средства. Когда она заканчивалась и наша пехота подымалась в атаку, достигала траншей врага, он уже занимал свои первые траншеи и встречал ее огнем. А сегодня было по-другому. Началось мощное огневое наступление нашей артиллерии на передний край немецкой обороны и ближайшие тылы. Поднялась в атаку пехота, действуя заодно с танками прорыва, она пошла за огненным валом прикрытая с воздуха авиацией. Немцы не успели занять свои места в траншеях переднего края — наши бойцы уже атаковали их.

Об одном только умолчал Георгий Константинович — что это была его идея.

Деловая обстановка. Время от времени на НП приносили донесения о ходе сражения на разных участках фронта. Красные ракеты означали, что первая задача — взломать оборонительную линию врага — выполнена. В жизни иной раз бывает, что в самые драматические минуты врывается что-то веселое и смешное. На наших глазах загорелся и стал падать подбитый нашими летчиками «мессершмитт». И вдруг Воронов, стоявший рядом с Жуковым, обращается к нам с репликой: «Передают, колбаса горит...» Мы рассмеялись: кроме нас троих, никто здесь не знал, что это значит.

История эта была на Халхин-Голе, на Хамар-Дабэ, где размещался НП Жукова. Стоим мы втроем, наблюдаем за полем боя. Рядом в окопчике примостился с телефонной трубкой связист — высокий, рыжеволосый, призванный из запаса деревенский дядька. Вдруг он выскочил и, выпучив глаза от удивления, говорит:

— Передают, колбаса горит!..

Мы-то знали, что это за «колбаса» — так у нас называли японский аэростат наблюдения. Японцы подняли его в воздух, а наши зенитчики подожгли и по телефонной связи донесли: «Передай, колбаса горит». Можно понять удивление связиста, которому приказали передать о какой-то горячей в воздухе «колбасе». Воронов не раз, когда собирались халхингольцы, имитировал выражение лица ошеломленного связиста, его испуг.

Так было и сегодня.

Как и всегда, у меня состоялся разговор с Жуковым о задачах газеты. Уселись мы на толстом бревне у блиндажа, я вслушивался в его советы. В те горячие дни и часы Георгий Константинович, как он признался, не читал всю газету, сказал, что только успевал просматривать ее и лишь по заголовкам может судить, чем заняты ее полосы. А заняты они были главным образом материалами, освещающими наше оборонительное сражение на Курской дуге. Сегодня же началось наступление наших войск. И это, считал я, должно стать главным для газеты. Жуков согласился со мной, но предупредил:

— О том, что сегодня видел, писать, конечно, надо, но оборонительные сражения еще не закончились. Думаю, что конец не за горами. Но пока идут и оборонительные бои...

Прошел час или два, Георгию Константиновичу позвонили из Ставки, и он отправился на Воронежский фронт, где в этот день началось знаменитое, самое крупное встречное Прохоровское танковое сражение второй мировой войны, в котором участвовали с обеих сторон около тысячи двухсот танков. А мне надо было возвращаться в Москву. За ночь добрался до редакции и снова — за полосы, внес поправки в передовую, поменял ее заголовок — «Советские танки — грозное оружие и в наступлении и в обороне». Так, как советовал Жуков, — и о наступлении, и об обороне.

16 июля

Сегодня наконец появилось сообщение о начавшемся четыре дня назад наступлении наших войск севернее и восточнее Орла. Каждый день теперь — сводка о продвижении по фронту и в глубину, освобождении десятков населенных пунктов. Перешел в наступление и Центральный фронт, хотя, как и Брянский и Западный, он не называется. Просто к направлениям «севернее Орла» и «восточнее Орла» прибавились слова: «южнее Орла». Наступление трех мощных фронтов, как это теперь понятно каждому, имеет своей целью разгромить орловскую группировку врага. Яснее ясного также, что вот-вот немцы будут вышиблены из Орла.

Есть перемены и на других направлениях. На орловско-курском участке противник не только остановлен, но и отброшен за ту линию, которую занимал до 5 июля. 10-35 километров, захваченные им, возвращены. Обескровленный и уже потерявший веру в победу, враг на белгородском направлении не только прекратил атаки, но и отводит свои тылы. Скоро и на этих направлениях начнется наступление советских войск под условным названием «Кутузов».

Со всех этих фронтов поступают репортажи и корреспонденции спецкоров, как говорится, только успевай печатать. Но, увы, не все материалы размещаются на полосах газеты. Они заняты отчетом о судебном процессе по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Краснодарском крае. Тоже важный материал, вызывающий и боль, и ненависть к врагам, зовущий в бой.

20 июля

В сводках Совинформбюро — новые данные о нашем наступлении. На орловском направлении — севернее, восточнее, южнее — пройдены километры, освобождены села. А что на белгородском? Почему там не наступают? Ведь по плану Ставки после оборонительных боев все фронты Курской битвы должны были перейти в контрнаступление. А дело было в том, что Воронежский фронт понес большие потери. Кроме того, разведка установила, что противник, отойдя на заранее подготовленные позиции, создал мощную оборону. Это видели и знали Жуков и Василевский, находившиеся на этом фронте. Они посчитали, что спешить не надо. И хотя Сталин их торопил, подстегивал, не поддались его напору. На белгородском направлении наши войска перешли в наступление лишь 2 августа.

Естественно, что все внимание «Красная звезда» уделяет ныне уже не оборонительной тактике, а наступлению. Несколько замедлилось наступление войск Брянского фронта. Это послужило поводом для передовой статьи «Теснее взаимодействие родов войск в наступлении», опубликованной в сегодняшнем номере газеты. Назавтра — новая передовица «Развивать успех наступления».

Поздним вечером пришло сообщение, что наши войска освободили Мценск. Город небольшой, но победа немалая, и не только в оперативном, но и моральном отношении. Город был на острие клина, направленного немцами на Тулу, а, значит и на Москву. Противник захватил Мценск еще 11 октября сорок первого года, в те тяжелейшие для нас дни Московской битвы, почти два года держал его и вот теперь изгнан! Сейчас Мценск — это острие клина, направленного на немцев, оккупировавших Орел.

* * *

Продолжаем публикацию материалов о трудных оборонительных днях и ночах битвы на Курской дуге. В газете много фотографий. На Курской дуге почти все наши фоторепортеры — Виктор Темин, Федор Левшин, Олег Кнорринг, Александр Капустянский, Сергей Лоскутов, Яков Халип. Можно представить себе «нашествие» снимков. Снимки разные — батальные, панорамы полей сражений, портреты отличившихся в боях солдат и офицеров. Есть снимок Темина с такой надписью: «Пленные немецкие солдаты и офицеры конвоируются в тыл». Такого рода сюжеты мы охотно печатаем, но, увы, пока немцы плохо сдаются в плен, не очень-то послушно и охотно поднимают руки вверх.

Прислал своеобразный очерк «Кладбище танков» Евгений Воробьев. В дни, когда шли бои севернее Орла, Воробьев безотлучно находился в 31-й гвардейской дивизии, в 87-м полку. Там, южнее реки Жиздры и Дретовской переправы, вблизи деревни Никитинки, разгорелось ожесточенное сражение с 5-й немецкой танковой дивизией. Вот фронтовой пейзаж, запечатленный корреспондентом после боя: «Поле от синеющей на севере дубравы до ярко-зеленой березовой рощи и до серебряной излучины речки покрыто унылым, бурным ковром сорняков: пашня одичала. Будто какой-то злой сеятель нарочно засеял ее бурьяном, лебедой, осотом, чертополохом.

В последний раз эта орловская земля видела землепашца весной сорок первого года. С тех пор землю пололи саперы, ее перепахивали снарядами, минами, бомбами, ее засеивали осколками, пулями, но она не чувствовала прикосновения плуга, эта орловская земля, истосковавшаяся по тяжелому семенному зерну...

Но пусть заброшены луга, пашни и огороды — природа в этих местах по-прежнему великолепна в своей извечной красоте, она бесконечно мила и дорога русскому человеку... Недалеко от этих мест, а может быть, по той самой дубраве, синеющей к северу от деревни,

по тому оврагу, по той рощице бродил с ягдташем и собакой Иван Сергеевич Тургенев. Отсюда родом Хорь и Калиныч, Касьян с Красивой Мечи и ребята с Бежина луга, все знакомцы, попутчики и компаньоны Тургенева в его охотничьих скитаниях...»

Нельзя равнодушно читать эту пейзажную зарисовку... Однако скажу, что мы в «Красной звезде» не очень благоволили к развернутым пейзажам, хотя лично я питал к ним слабость, — военная газета просто не могла себе позволить их печатать. И конечно же не из-за хорошего пейзажного рисунка мы опубликовали очерк. Это был материал, своеобразный по замыслу и сюжетной разработке. Перед глазами корреспондента предстало поле только что отгремевшей битвы, усеянное подбитыми и сожженными немецкими танками. Никогда ему не приходилось видеть такого.

Автор заставил заговорить мертвую технику. Для этого он провел тщательное исследование. На площади в несколько квадратных километров он насчитал свыше трех десятков немецких танков, преимущественно «тигров». Он обошел один за другим танки, останавливаясь возле каждого, внимательно осматривая их снаружи. Он залезал внутрь, не поленился записать номер каждого танка и составил своего рода реестр.

«Трофеи — машины, оружие, боеприпасы — могут многое рассказать тому, кто хочет и умеет их слушать. В иных случаях показания «пленных» танков даже ценнее сведений, которые дают на допросе пленные: машины по крайней мере не лгут, не веляют, ничего не скрывают и не заискивают угодливо и мерзко...»

И танки действительно заговорили.

Вот лежит вверх тормашками танк 619. Сомнений нет: это работа мощной бомбы, разорвавшейся рядом. У танка 624 башня вместе с орудием оторвана от стального туловища и отброшена в сторону — ясно, что в танк угодил снаряд, взорвались боеприпасы и силой взрыва танк разорвало, как картонную коробку. В бортовой броне танка 616 две небольшие дырки: кто-то метко стрелял из противотанкового ружья. На бронированной шкуре танка 722, покрытой сажой и окалиной, нет ни одной пробоины; осколки стекла на обугленном дереве рядом с танком подсказывают разгадку: танк подожгли бутылкой с зажигательной смесью. Четыре танка оказались в полном порядке — заправлены горючим, боекомплект почти целехонек. Эти машины брошены экипажами. Автор перечисляет их номера: 613, 621, 627, 723.

Впечатляют также подмеченные глазом журналиста отличия этих машин от танков сорок первого года. Танки, которые корреспондент впервые увидел на Смоленщине в начале войны, были выкрашены в черный цвет, с кричащими белыми крестами на башне, с крупными, как на афишах, номерами. Немцы тогда шли напролом, уверенные в своей безнаказанности. Танки сорок третьего года замаскированы под летний пейзаж, белые кресты и цифры помельче, чтобы не нарушить маскировки и не попадаться на глаза нашим артиллеристам, танкистам и бронейщикам. Углы новых машин, чтобы сбить с толку наших летчиков, перекрашены в черный цвет, они потеряли свою характерную конфигурацию.

Немецкие танки в начале войны двигались налегке. А дошедшие до Курской дуги загружены запасными траками и катками. Этой боязливой запасливости противника приучили наши мастера огня, метко бьющие по гусеницам и ходовой части. Иные танки несут на себе дополнительные бронеплиты. Некоторые танки покрыты огнеупорной обмазкой из асбеста — боялись наших термитных снарядов.

«Мы уходим с кладбища немецких танков, и радостное ощущение добытого превосходства над врагом не покидает нас». Этим ощущением дышала каждая строка очерка Евгения Воробьева.

25 июля

Опубликованы итоги оборонительного сражения наших войск на Курской дуге. «Успешными действиями наших войск, — говорится в этом сообщении, — окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее

Белгорода в сторону Курска». Стратегический план советского командования — в оборонительных боях измотать и обескровить противника — осуществлен полностью. Таким образом, подчеркивается в сообщении, немецкое летнее наступление немцев полностью провалилось.

Потоком идут материалы наших писателей. Сегодня получен очерк Василия Гроссмана. Андрей Платонов сообщил, что высылает свой материал. По-разному каждый из наших корреспондентов рисует картину Курской битвы. Одни дотошно прослеживают ход сражения. Другие приводят наиболее характерные эпизоды боя. Третьи пишут о подвигах и героях битвы. Василий Семенович в сценке, где гремят орудия, сумел передать накал недавно закончившегося боя. Удивительно, как он, не упоминая о выстрелах, орудийном или пулеметном огне, раскрыл напряжение минувшего боя:

«Полк отвели на пять километров от станции, где вел он непрерывный двадцатипятичасовой бой... Капли недавно прошедшего проливного дождя блестели на широких листьях лопухов и венчиках цветов, повернутых к вышедшему из туч солнцу. Когда раздавался особенно сильный разрыв, листва вздрагивала и тысячи капель вспыхивали на солнце. Десятки людей спали, лежа на мокрой земле, укрывшись шинелями. Ливень наплескал воды в складки шинельного сукна, но люди спали сладостно и глубоко, глухие к грохоту битвы и шуму уходящей летней грозы, к свету горячего солнца, к ветру, к гудению тягачей. Этот пятисуточный бой, это сверхчеловеческое напряжение нервов и всех, без капли остатка, душевных и телесных сил человеческих изнурили людей. Мне думается, что в эти часы не было на всей земле людей, так свято достойных отдыха, как эти спавшие среди луж дождевой воды красноармейцы. Для них овраг, где земля и листья содрогались от выстрелов и разрывов, был глубочайшим тылом...»

Был писатель и свидетелем эпизода, говорящего о переменах в наших войсках. Он примкнул к небольшому отряду красноармейцев и шел с ними. Внезапно из-за роши вынырнуло до десятка немецких пикировщиков. Командир маленького отряда крикнул: «Огонь!» Наблюдая за действиями бойцов, за выражениями их лиц, Гроссман, как он пишет, вдруг понял, в чем тайна нашего успеха и почему бронированный кулак, занесенный Гитлером на орловско-курском направлении, бессильно опустил, не пробив нашей обороны. «Эта горсть людей, шедших, вероятно, получать ужин, внезапно застигнутых стремительным и злым немецким налетом, с великолепным спокойствием, с неторопливостью мастеров, с точным расчетом умных и опытных рабочих военного дела в течение 2–3 секунд заняли позиции и открыли огонь из винтовок, автоматов, ручных пулеметов. Ни тени замешательства... Они стреляли со старательным спокойствием... Прошла минута, самолеты, встреченные плотным огнем, рванулись вверх, ушли на север, а красноармейцы, деловито осмотрев оружие, собрались и молча пошли дальше, погромыхая котелками. «За время налета в маленьком отряде было произнесено всего лишь одно слово — команда командира отряда «Огонь!». Вот так летом 1943 года наши красноармейцы встретили внезапный штурмовой налет немецкой авиации».

Побывал Василий Семенович и в артиллерийской противотанковой бригаде Никифора Чеволы. Бригада встретила немцев, когда они рвались на белгородском направлении по шоссе Белгород — Курск, с юга на север. Из гроссмановского рассказа об этой героической бригаде и ее командире я приведу один выразительный эпизод:

«Подполковник Чеволла держал связь с командованием по радио. Его пушки были в полуокружении. Чеволла теперь ясно понял, разгадал до конца, чего хотели немцы. Они стремились пробиться сквозь заслон и «ударить под корень» нашему большому стрелковому соединению. Это предвещало беду десяткам тысяч людей, ставило под угрозу оборону на большом участке фронта. Генерал, командир стрелкового соединения, сказал по радио Чеволле: «В ближайшие часы помочь не могу, разрешаю отойти». И здесь Чеволла принял решение, свидетельствующее, по моему мнению, об огромной военно-этической силе, рожденной и развившейся в наших командирах во время войны и сыгравшей важнейшую

роль в победоносном исходе июльских боев. Старший начальник, фланг которого прикрывала бригада, позволил Чеволе отойти. Но командир бригады, ясно представляя последствия своего отхода, отвечал: «Не уйдем, останемся умирать». И бригада выстояла. Она отстояла свой рубеж».

Василий Гроссман своими глазами видел поле боя. Видел поверженную технику врага, подбитые, горевшие наши танки и самоходки. Видел наши войска и отступающими, и наступающими. Видел и советских воинов — раненых и погибших. И молчать об этом он считал для себя недостойным. С трудом, но нам все же удалось «пробить» из его очерка в газету такие правдивые строки:

«Бригадир батареи Кацельман был ранен, он умирал в луже черной крови, первое орудие было разбито, прямым попаданием снаряда оторвало руку и голову установщику сержанту Смирнову, старший ефрейтор Мелехин — командир орудия, веселый, подвижный виртуоз истребительной работы, в которой доля секунды решает исход дуэли, лежал тяжело контуженный, темным и мутным взором смотрел на орудие — оно тоже напоминало оборванного, пострадавшего человека, клочья резины свисали с колес, распоротых осколками. Наводчик Тесленко и замковый Калабин были легко ранены, но оставались в строю. Целым был лишь подносчик Давыдов». И все же атаку врага отбили.

28 июля

Вместо сообщений Совинформбюро ныне публикуется «Оперативная сводка». Это, пожалуй, больше соответствует штабной терминологии — как известно, сводки составляются в Генштабе. Кроме того, вместо утреннего и вечернего сообщений, как это было раньше, за минувшие сутки дается только одна сводка.

Сегодня из нее мы узнали, что на орловском направлении наши войска заняли железнодорожную станцию Становой Колодезь. В скобках отмечено: «18 километров юго-восточнее Орла». Через два дня — 17 километров. Затем освобождение железнодорожных станций с причудливыми названиями Стальной Конь и Светлая Жизнь — 4 километра от Орла. Словом, до города рукой подать. Никогда ранее таких подробностей в официальных документах не бывало. Можно сказать, что чуть-чуть открыли завесу гласности.

Более двух недель наступают войска Брянского, Центрального и Западного фронтов. Уже можно осмыслить новый опыт тактических действий наших войск. Он нужен всем. Один за другим появляются в газете материалы творцов этого опыта — командиров частей и соединений. Назову, к примеру, статью командира танкового полка майора М. Ильюшкина «Танки прорыва поддерживают наступление пехоты». Вот только один из примеров изобретательности в бою:

«Из опыта прежних боев было известно, что противник выделяет группы автоматчиков по количеству проходов в заграждениях и укрывает их в ближайших окопах. Автоматчики, ведя огонь по проходу, стараются сковать маневр нашей пехоты и отсесть ее от танков перед проволочными заграждениями. Если же наши танки, пытаясь протолкнуть пехоту вперед, начинают двигаться вдоль фронта и давить заграждения гусеницами, то по ним открывает фланговый огонь немецкая артиллерия.

На этот раз каждый танк еще на исходных позициях был снабжен специальным приспособлением, которое вместе с кольями срывало сотни метров колючей проволоки, и она тащилась вслед за танками, поднимая облака пыли. Благодаря такому приему сорвано огневое воздействие автоматчиков противника и возникла паника среди его пехоты. Десятки вражеских солдат, пытавшихся спастись бегством, запутывались в собственной проволоке и были убиты».

Майор Ильюшкин с самыми добрыми намерениями описал, как устроены эти приспособления к танкам. Понятно, мы их сняли, не дожидаясь запрета цензора. На этот раз осторожность была вполне уместна: зачем настораживать противника и выдавать ему пусть небольшие, но все же секреты?

Прохоровский плацдарм — под таким названием вошел в историю Отечественной войны район у железнодорожной станции на линии Белгород — Курск. Так называется и статья нашего спецкора Константина Буковского.

Район станции Прохоровка уже не первый раз стал ареной жестоких боев. В первую зимнюю кампанию мы окружили там два пехотных полка противника с танками и сильной артиллерией. Прошлой зимой наши танковые и мотострелковые части взяли в клещи и уничтожили на том плацдарме контратакующую группу подвижных войск немцев. Весной о прохоровский плацдарм разбились последние атаки немецких танков, неприятель был оттеснен на линию белгородских высот.

И вот последнее сражение на этом плацдарме, самое крупное танковое сражение второй мировой войны. Статья «Прохоровский плацдарм» напоминает, что это был поворотный момент в немецком наступлении и контрнаступлении наших войск. Этот плацдарм войдет в историю Отечественной войны как место крупнейших сражений, определивших собой провал июльского наступления немцев.

Статья прослеживает это сражение с самого начала и до его завершения. Достаточно сказать, что с обеих сторон участвовало огромное количество танков. Василевский позже напишет: «Мне довелось быть свидетелем этого поистине титанического поединка двух стальных армий (до 1200 танков САУ) на южном фланге Курской дуги. Наиболее успешно действовала 5-я гвардейская армия под командованием генерала П.А. Ротмистрова...»

Пересказывать эту обширную статью не стану. Но в связи с ней вспомнилось, что Павел Алексеевич был первым военачальником на Курской дуге, о ком мы написали и портрет которого дали. И конечно, рады были, когда позже прочитали о нем добрые слова Василевского.

Материал о Курской битве переключался уже и на третью, а порой и на четвертую полосы. Все силы редакции там, и оттуда идет и идет «горячий» материал. И не только по военному проводу. Командующий Военно-воздушными силами Красной Армии А.А. Новиков передал нам самолет «Як-6», и теперь мы благоденствуем: он чуть ли не дважды в день доставляет в Москву с фронта корреспондентов или их материал.

«Орловские партизаны действуют» — так называется корреспонденция, полученная нами с фронта. Вот, подумали мы, и ко времени и к месту для полосы о битве за Орел. Но и партизаны в этих краях сейчас тоже действуют «ко времени и к месту».

Корреспонденция содержит главным образом цифры и факты: группа минеров партизанского отряда имени Суворова пустила под откос воинский эшелон. Другая взорвала немецкий состав — 11 вагонов с боеприпасами. Обе группы при этом не потеряли ни одного человека. А в одном из районов, обозначенных в газете деревней М., партизанский отряд вступил в сражение с немцами, пытавшимися создать здесь узел сопротивления. Партизаны выбили немцев из деревни, многих перебили, захватили столь нужное им оружие...

Орловские партизаны, как, впрочем, и брянские, любят, подобно тому как запорожские казаки писали письмо турецкому султану, оставлять или посылать немцам и их приспешникам ядовитые и подковыристые письма. Приведу, сохраняя стиль, письмо орловских партизан, адресованное предателю, обер-бургомистру Каминскому:

«Тебе не впервые торговать родиной и кровью русского народа. Мы тебя били с твоей поганой полицией. Вспомни, как, удирая от партизан, ты потерял свои грязные портки и кожанку. Слышишь канонаду? То наши советские пушки рвут в клочья твоих хозяев — немцев. Ты содрогаешься, гад, при разрывах наших снарядов. Дрожи еще сильнее, сволочь! Знай, час расплаты с тобой близок!»

30 июля

В эти дни Андрей Платонов ездил на Курскую дугу с Павлом Трояновским. Позже Трояновский жаловался, что с Платоновым трудно путешествовать:

— Я говорю Андрею Платоновичу: «Садитесь в эмку. Едем!» А он: «Нет!» И объясняет: «Вы оперативные корреспонденты, вам надо спешить, вы и поезжайте. А мне полезнее походить пешком с солдатами, быть с ними. Что увидишь и услышишь в вашей «эмке?»»

И Платонов, вскинув вещевой мешок за плечи, ушел по пыльной дороге с бойцами, занимавшими новые позиции. Должен сказать, что это была не первая и не последняя «жалоба» на Андрея Платоновича. Не раз жаловался на «скверный» характер Платонова и спецкор Павел Милованов. Были они, например, в дивизии генерала Красноглазова. Шел тяжелый бой в условиях так называемого «слоеного пирога». Обстановка была неясной даже для самого генерала, и он категорически не пускал корреспондентов в полки. Платонов выслушал комдива, а когда вышли из его блиндажа, сказал:

— Пойдем!..

Настоял, и они пошли в полки.

Самым трудным и опасным участком боевых позиций дивизии, когда в ней находился Платонов, была высота 140. Чтобы туда попасть, надо было преодолеть несколько десятков метров ползком или быстрым броском. Андреев довел писателя до конца траншеи, и они оба какое-то время наблюдали, как на высоту добираются бойцы. Большинство из них преодолевали опасное пространство бегом. Враг открывал огонь почти по каждому бегущему человеку.

— Какой изберем способ? — спросил Платонов.

— Я бы предложил ползком, — ответил капитан. — Безопаснее.

— Нет, капитан, — решительно ответил писатель. — Бежим!

Андреев и сам предпочитал бросок, но не знал, хватит ли силы и выдержки у Платонова.

— Это был отличный бросок! — рассказывал капитан. — Немцы открыли огонь, но мы уже достигли мертвого пространства.

Пробыл Платонов на высоте почти сутки. На обратном пути опять перебежка. И тут вот что случилось: немецкая пуля настигла Платонова, пробила брюки и ударилась о складной ножик, который лежал в кармане. Удар был сильный, и Платонов захромал. Однако об этом Платонов умолчал. И если бы не рассказ Андреева, наверное, о том происшествии никто бы в редакции не узнал. Скромность была органической чертой характера Платонова.

В газете опубликован почти на полосу материал под заголовком «Чудовищное злодеяние гитлеровских извергов» — подлинник приказа немецкого командования о клеймении советских военнопленных. К этому приказу и эпитета не подберешь — мерзкий, гнусный, злодейский. Под приказом статья Алексея Толстого «Подлость палачей». Писатель тоже приводит в своей статье этот приказ. В приказе и нарисован образец клейма. Таких пунктов в приказе семь.

«Нужны ли комментарии к этому приказу? — пишет Алексей Толстой. — Нет, не нужны. Прочтя это, каждый воин Красной Армии лишь тщательно вычистит свое оружие и крепче подтянет ремешок на стальном шлеме. Возмущаться этим приказом? О нет! Гордые не возмущают сурового строя своей души, но с прочной и спокойной ненавистью убивают. Горе вам, немцы, горе, что пускаетесь в такие грязные дела».

И в заключение: «Так вот ты какой враг, немец! ... Нибелунг, сын бога войны Вотана, сверхчеловек! Клеймо на твоей роже горит всю радугую позора. Что предпочитаешь ты теперь: выстрел или плюнуть в твою клейменую рожу? Воин Красной Армии предпочитает выстрелить, потом плюнуть».

Рядом со статьей Толстого статья Константина Федина «Клеймо гитлеровской Германии». Наслышаны мы о гитлеровских зверствах, навидались, и, кажется, ничем фашистские мерзавцы нас удивить не могут. Но, прочитав этот приказ, Федин был потрясен:

«Я держу страшный документ... Я один в своей комнате. И вдруг я вижу: у меня дрожит рука. Я давно уже не читаю. Мой взгляд остановился. Но я не могу оторвать его от странного

значка на бумаге, напоминающего рогульку углом вверх... Я уже никогда в жизни не позабуду этого значка. И я уверен — его не позабудет ни один русский, советский человек».

Чтобы ни у кого не было ни малейшего сомнения, что такой приказ существует, в газете дана его фотография.

Опубликован третий путевой очерк Ильи Эренбурга с орловского направления «Фрицы этого лета». Писатель, можно сказать, проделал в своем роде исследовательскую работу — провел беседы с пленными, перечитал большое количество писем, предупреждая, что не искал особо интересных, поговорил с нашими бойцами о немцах, а затем рассортировал фрицев по категориям.

Первая — это так называемые «тотальные фрицы», сорокалетние и старше, недавно мобилизованные. «Я видел немало таких вояк, — пишет Илья Григорьевич. — Урожай тотальной мобилизации дал Гитлеру весьма посредственных солдат. Здесь и плюгавые, и подслеповатые, и беспалые. Сорокалетние фрицы мало пригодны для «восточного похода». Это по большей части астматические, геморроидальные, подагрические горожане. Они боялись в немецком парке сесть на траву, чтобы не простудиться. Легко себе представить, что они переживают в Брянских лесах».

Вторая категория — юнцы, наиболее рьяные приверженцы Гитлера, впервые прибывшие на фронт. «Я видел этих сопляков. Их вытаскивали из леса. Они хныкали и визжали... Для фрицят война еще интересная авантюра. Многие из них, направляясь в Россию, думали, что попадут в Москву или Ленинград. Они прытки, но недостаточно обучены...»

Третья категория — ветераны. «Немало их зарыто здесь, в орловской земле... Они не поумнели, они не стали ни совестливей, ни человечней. Но они полиняли». Они, отмечает он, повторяют все зады о «народе господ». Слушал, например, он фельдфебеля Гарри Петака и заметил: «Скучно его слушать: я знаю заранее все, что он скажет, ведь он добросовестно пересказывает статьи Геббельса». Илья Григорьевич ему прямо сказал:

— Пошевелили бы вы мозгами, а то вам и голова ни к чему...

И вдруг фельдфебель побледнел, он решил, что Эренбург ему отрежет голову... А ведь воюет он с 1939 года!

Между прочим, Илья Григорьевич заметил, что на орловском направлении у немцев нет вассальных дивизий. Правда, внутри германских частей попадают французы, чехи, словенцы, люксембуржцы, но они мобилизованы насильно. О встречах с ними Эренбург рассказывает:

«Вот парикмахер из Страсбурга Жорж Жан говорит мне: «Я родился французом и хочу умереть за Францию». Вот булочник, двадцатилетний Польш. Он пробыл на фронте ровно один день; перебежал к нашим. Как он рад, что я с ним заговорил на его родном языке! Он твердит: «Наш генерал — де Голль. Наши союзники — русские...» Эльзаслотарингцы с лютой ненавистью говорят о немцах, называя их не иначе, как «бошами» и «фрицами». Так же настроены и другие подневольные солдаты Гитлера — славяне».

Таков фриц этого лета. «Не тот!..» Это слово Эренбург услышал от одного нашего бойца, гвардейца-украинца. Он подсел к писателю на пенек, свернул самокрутку и, глядя на немца, с которым писатель разговаривал, лукаво подмигнул: «Фриц не тот...»

Но при всем том Илья Григорьевич предупреждает: «Не будем ни преуменьшать силу врага, ни преувеличивать ее. Дисциплина в германских частях еще не поколеблена. Сомнения фрицев пока ограничиваются вздохами и шепотом... С фрицами этого лета разговаривать так же трудно, как и с прежними, — нет в них ни ума, ни совести...»

С любопытством смотрится карикатура Бориса Ефимова «У страха глаза велики». Под заголовком текст: «Германское информационное бюро передало вымышленное сообщение о якобы имевшей место попытке высадки десанта советских войск на норвежском побережье южнее Варде». На карикатуре Геббельс лежит в больничной постели и звонит во все колокола: «Десант! Советский десант!..» Над кроватью таблица с надписью: «Десантерия». И

подпись к карикатуре: «Острое желудочно-глазное заболевание германского информационного бюро».

5 августа

Все минувшие дни оперативные сводки сообщают о продвижении наших войск на орловском направлении. Указывается, что они продвинулись на 4, 8, 10 километров, называются села и деревни, отбитые у противника, и, глядя на карту, нетрудно понять, что до Орла рукой подать. Но нет, не так это было просто. Каждый день публикуются репортажи, корреспонденции наших спецкоров под заголовками «Севернее Орла», «Южнее Орла» — они-то и раскрывают картину сражений за город. Любопытна в этом отношении корреспонденция Василия Коротеева «Под Орлом». Он пишет, что наши войска уже вплотную подошли к Орлу, к высотам, за которыми лежит город. Посвящена же его корреспонденция главным образом рассказу о том, с каким ожесточением идет сражение, с каким упорным сопротивлением врага встречаются наши дивизии и полки. Приведу для иллюстрации некоторые строки из этого материала:

«Наши войска вступили в упорные бои с противником в глубине его обороны, подготовленной заранее и простиравшейся на 20-45 километров... Глубокая оборона врага, выгодные позиции, которыми он обладал, его отчаянное упорство и сильные грозовые дожди — все это несколько замедлило продвижение наших войск...

За время боев в глубине обороны немцы сумели подготовить несколько новых промежуточных рубежей, насытить их свежими войсками. Усиливая контратаки, они дополнительно ввели в действие крупные силы танков и авиации, подтянули много артиллерии...»

Такая же обстановка и под Белгородом.

И все же немцам не удалось удержать Орел и Белгород, сегодня их заняли наши войска. Получен приказ Верховного Главнокомандующего, где впервые за время Курской битвы указано, какие фронты овладели этими городами. Названы имена командующих войсками фронтов.

«Сегодня, 5 августа, в 24 часа, — говорится в приказе, — столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий».

Это — первый салют из тех 354, которые были произведены с этой ночи до завершения Отечественной войны. Событие незаурядное, и газета его широко освещала. Репортеры газеты — на асфальтированном плацу, где артиллеристы выстроили в одну линию свои орудия. 12 часов ночи. Удары пушек сотрясают воздух. Столица приветствует победителей.

Любопытно, как москвичи встретили неожиданный салют. Гремит залп 120 орудий. И вдруг в эхо выстрелов влетают рукоплескания. Аплодисменты несутся из раскрытых темных окон домов, с тротуаров, где толпятся люди, откуда-то сверху, с балконов... Наши репортеры подслушали реплики, возгласы, разговоры москвичей и записали их. Вот некоторые, колоритные и афористичные:

— Вот такую стрельбу я люблю, — говорит старушка Евдокия Семеновна Кузовлева, встреченная краснозвездцами рядом с редакцией, на улице Горького, — у дома, где она живет. Или на углу Малой Дмитровки и Садовой стоит человек и долго аплодирует. Потом, обращаясь к случайным своим соседям, прислушивающимся к победному гулу орудий, нетерпеливо говорит:

— Нет, вы понимаете, что это такое? Ведь это какая победа! Как замечательно... Бьем ведь немцев, и как бьем! Давайте поцелуемся, слушайте!

На салют откликнулись наши поэты и писатели. На первой полосе газеты напечатаны стихи Николая Асеева «Эхо славы»:

Стальные глубокие груди
До самого сердца вздохнули.

Сто двадцать орудий
Слились в нарастающем гуле.

Раскаты! Раскаты! Раскаты!
Приветом державным
Откликнулась зычно, Москва, ты
Сынам своим славным.

Откликнулась пламенным голосом,
Как надо дерзать и бороться,
Своим беззаветным орловцам,
Своим храбрецам белгородцам.

И эхом немеркнувшей славы
В пальбе орудийной
Гул Бородина и Полтавы
Слился воедино.

И вспыхнули зарева вспышки,
Промчавшись веками,
Венчая кремлевские вышки
Бессмертья венками.

«Салют победы» — так называется отклик Алексея Толстого. Он напоминает, что салют — суворовская традиция. «Оказывается, — заключает он, — под жарким солнцем августа немецкие пятки сверкают не хуже, чем деревянные подметки эрзац-валенков на январском снегу. А русский богатырь, отирая пот с лица и распахнув ворот на могучей груди навстречу летнему ветру, идет вперед на Запад, как шел зимой по сугробам. Время теперь наше, и не времена года, а русское военное искусство определяет погоду поля боя».

На первой полосе — большой, на три колонки фотоснимок батарей, окутанных дымом, и подпись: «Москва, 5 августа, 24 часа».

Так широко материал, посвященный салюту, дали лишь в День Победы. Но ведь это — первый салют!

Освобождению Орла и Белгорода газета посвятила многие полосы не одного только номера. Это объяснимо — враг изгнан из крупных городов России. Но не только в этом дело. Уже месяц длится Курская битва. Недели две шли оборонительные сражения. То были тревожные дни — в народе ведь не знали, что наша оборона — преднамеренная. Да, в сводках и в наших репортажах сообщалось о стойкости, упорстве наших войск. Иногда мелькали километры, на которые немцы смогли прорваться. Было тревожно. Но вот наши войска перешли в контрнаступление. Сводки скромные: сообщают о продвижении наших войск, освобождении небольших сел и деревень. Чем это кончится? Как будут развиваться события? Читатель не мог себе не задавать эти вопросы.

Наконец сегодня появились Орел и Белгород. В народе вздохнули. Понимали, что это рубеж, откуда начинается трудный, не всегда прямой, но путь вперед, на Запад!

Это и сказала газета в передовой статье «Орел и Белгород». Есть в ней оценка сражения на плацдарме, которая в немногих строках дает понять его масштабы:

«Эта битва предстанет глазам современников как сгусток военных усилий противоборствующих сторон, как апофеоз всего того, что до сих пор сделали наши войска. Эта битва, необычайно уплотненная по времени, втянула в свою орбиту колоссальные массы материальных средств и человеческих ресурсов. Вряд ли когда-либо за время войны на таком сравнительно ограниченном пространстве и в такой короткий срок действовали силы, подобные тем, которые столкнулись в июльском сражении, увенчавшемся теперь падением Орла и Белгорода».

Передовая говорит о стратегической и оперативной победе, о ближайших перспективах нашего наступления.

В тот же день, когда был опубликован приказ Верховного, газета успела напечатать большую статью генерал-майора Б. Антропова «Борьба за Орловский плацдарм» — военный обзор сражения от первого до последнего дня. Кстати, за эту статью мы усадили автора еще в конце июля, и он дополнял ее день за днем. Последнюю точку он поставил после таких строк: «Наши части, преследуя немцев, почти на плечах у них ворвались в город и овладели окраинами Орла с севера и востока... Они смело и быстро штурмовали опорные пункты, созданные противником в больших каменных зданиях, пробирались в тыл его отдельным группам, окружали и уничтожали их. Так, отвоевывая улицу за улицей, наши части выбили немцев из Орла и полностью овладели им».

В этом же номере большая корреспонденция Бориса Галина «В нашем Орле». На второй день в газете — очерк Василия Гроссмана «Возвращение». Это и возвращение Красной Армии в Орел, и возвращение жителей к своим очагам, и возвращение в город самого Гроссмана. Об этом надо рассказать.

В горькие дни октября сорок первого года наши корреспонденты Василий Гроссман и Павел Трояновский были в Орле в тот день, когда немцы ворвались в город столь внезапно, что многие люди не успели уехать. Еле выбрались из Орла и наши спецкоры. А дальше произошло вот что. Они вернулись в Москву. Я видел их «эмку» — вся иссечена осколками. Возле нее собрались работники редакции, рассматривали, покачивали головами — да, досталось ребятам! Как только живыми выскочили?

Наговорившись с товарищами возле своей «эмки», Гроссман и Трояновский зашли ко мне, рассказали о беде на фронте. Я выслушал их внимательно, но, узнав, что они ничего не привезли для газеты, не удержался от резких слов. Конечно, репортаж о прорыве на Брянском фронте, о захвате немцами Орла газета напечатать, пока не было официального сообщения, не могла. Однако мы считали, что в любом бою, даже с самым неблагоприятным для нас исходом, выявляются истинные герои, совершающие подвиги, и о них-то можно и надо писать! Без всяких обиняков я сказал Гроссману и Трояновскому:

— Нам нужна не простреленная ваша «эмка», а материал для газеты. Возвращайтесь на фронт.

Наверное, это было несправедливо. Не хочу оправдываться даже сейчас, когда твердо знаю, что корреспонденты чудом ускользнули из вражеского кольца. Глядя на взволнованные и растерянные лица этих в общем-то мужественных, даже отважных людей, надо было им сказать что-то другое, говорить с ними помягче. Но вспомним то время! Не до сантиментов было тогда...

Гроссман и Трояновский сразу же выехали на фронт, в 1-й гвардейский стрелковый корпус генерала Д.Д. Лелюшенко, которому как раз в тот день удалось остановить врага под Мценском. А моя реплика насчет «простреленной эмки» пошла гулять по редакционным кулуарам и даже по нашим фронтовым корреспондентским пунктам. Но, думаю, быть может, не столько для того, чтобы поддеть редактора, сколько для того, чтобы подчеркнуть непреложность неписаных законов, установившихся в нашей редакции с первых дней войны.

Должен сказать, что об этом эпизоде я никогда не забывал. И в эти дни, в июле, когда появилось орловское направление, и мы не сомневались, что Орел будет возвращен, посылая Гроссмана в район Курской битвы, я ему сказал:

— Василий Семенович! Орел — ваша боль. Я хотел бы, чтобы вы там были в день освобождения города. Вспомнили, как уходили тогда...

Он был в Орле в день его освобождения и написал очерк, где вспомнил и те грозные и трагические дни и часы:

«В этот первый беспокойный и радостный день, когда под удаляющийся грохот канонады, среди пыли и дыма воспрял из праха русский, советский Орел, мне вспомнился Орел, который я видел ровно 22 месяца тому назад, в тот октябрьский день 1941 года, когда в

него ворвались немецкие танки, шедшие по Кромскому шоссе. Мне вспомнилась последняя ночь в Орле — больная, страшная ночь, гудение уходящих машин, плач женщин, бегущих за отходящими войсками, скорбные лица людей и полные тревоги и муки вопросы, которые мне задавали. Вспомнилось последнее утро Орла, когда, казалось, весь он плакал и метался, охваченный смертной тревогой.

Город стоял тогда во всей своей красоте, без единого выбитого стекла, без единого разрушенного здания. Но являл он собой вид обреченности и смерти. Эта обреченность была во всем. Город плакал весь, словно навеки расставался человек с самым дорогим и близким, что было у него в жизни. И чем нарядней выглядел он тогда, чем ярче блестело осеннее солнце в это последнее советское утро в бесчисленных стеклах домов, тем безысходней была тоска в глазах людей, понявших и знавших, что вечером в Орле будут немцы.

И, вспомнив то горе, ту тревогу, то страшное смятение, которым был охвачен город, я как-то по-особенному глубоко понял святое счастье сегодняшней встречи разоренного и опоганенного немцами Орла с великой страной, с великой армией, которая гонит и уничтожает орды захватчиков...»

Гроссман приехал в Орел 5-го днем. Он рассказывает все, что предстало его глазам. Утром по главной улице прошли воины 380-й стрелковой дивизии, получившей всего лишь несколько часов тому назад звание Орловской. Впереди — знамя полка майора Плотникова. Сурово выглядит этот первый парад в дыму пожарищ, в пыли взрывов, в высоком тумане, застилавшем небо над разрушенными кварталами города.

Встречи. Цветы. «Откуда, — замечает писатель, — появилось столько цветов в эти минуты — ведь так суров был город в час окончания боя! Казалось, вдруг расцвели они среди изуродованных немцами улиц и дворов — и дети, женщины бросали цветы к ногам шагавших красноармейцев, кричали, аплодировали, плакали...»

И вновь в заключение Гроссман возвращается к тем горьким дням падения Орла: «Эта сегодняшняя встреча и то горькое расставание в октябрьское утро 1941 года — едины, связаны между собой. Это проявление великой верной любви народа. Она сильнее всего на свете. Сильней смерти».

Эти радостные часы освобождения, встреч не могли заслонить горе и печаль, без которых не бывает ни одной победы. В тот же день в семнадцать часов на площади Первого мая правильными треугольниками выстроены войска. За ними теснятся горожане. Посредине площади — глубокая братская могила. Медленно колышутся, как бы плывут над толпой гробы с телами павших танкистов. Мужчины, женщины, дети осыпают цветами дорогие останки. Смолкает траурный марш. И сразу становятся слышны сдержанные рыдания. Народ оплакивает своих верных сынов-освободителей. К народу обращается командир полка Шульгин. Он называет имена погибших танкистов под Орлом. Их тела опускают в могилу. Гремит троекратный залп. Ему вторит отдаленный гул артиллерийской канонады на западе. Там идет бой. Над площадью вырастает холм. На нем устанавливают временный памятник...

Еще перед началом Курской битвы мы собрали «поэтическую рать» и сказали, чтобы она была наготове. Когда началось сражение на Курской дуге, одни за другими стали появляться стихи. В день освобождения Орла Семен Кирсанов откликнулся стихотворением «Орлятам»:

Слава орлам, взявшим Орел,
новая жизнь с боем берется!
Русский солдат с честью обрел
славу свою — имя орловца!

С летних ветвей сбита листва,
новый рубеж дымом окутан,
а за бойцом встала Москва,
славит его в полночь салютом.

Постарался для сегодняшнего номера Борис Ефимов, напечатав выразительную карикатуру. Рядом с красным стягом стоит красноармеец с улыбочивым лицом. В руках у него винтовка со штыком. Штык пронзил хищную птицу. В когтях у птицы фашистский знак. На голове фуражка с эмблемой гитлеровца. Клюв разинут от страха. Это — орел... И надпись над карикатурой: «Немецкий «орел» в русском Орле».

В этих же номерах газеты публикуется материал об освобождении Белгорода. Меньше, чем по Орлу, но тоже немало.

Всего посмотрелся Галин в Орле и написал об этом в газету еще 5 августа. Но то, что он увидел в Белгороде, не поддается описанию. И все же написал — молчать нельзя!

«В один и тот же день немецкая солдатня, отступая, разрушала Орел и Белгород, носились по улицам двух русских городов немецкие факельщики, поджигая и взрывая наши дома. Белгород, как и Орел, кровоточит, он весь в язвах... В Орле мы видели хищную руку немца, глядели на искалеченные взрывами орловские дома, и нам казалось, что это и есть предел немецкой жестокости. Но Белгород поражает и ужасает больше, чем Орел. Здесь немецкая жестокость и подлость проявилась с еще более страшной силой. В Белгороде немцы как бы сдавили горло городу: он онемел, он превращен немцами в страшную зону пустыни. Это безъязыкий город, в нем царит угнетающая тишина...»

Далее Галин объясняет, откуда такая тишина в городе. Оказывается, немцы увезли детей, молодежь, стариков — словом, все население. Редкий прохожий появляется на улицах города. Писатель еще застал объявление за подписью «командира немецких воинских частей»:

«1. Город Белгород эвакуируется. Население будет отправлено в тыл.

2. Начало эвакуации — 29 июля 1943 года, утром.

3. Все приказания должны быть беспрекословно исполнены. За невыполнение приказания виновные будут строго наказаны».

С собаками-ищейками немцы охотились за русскими людьми и как рабов угоняли в направлении Харькова.

Передав в Москву корреспонденцию «В Белгороде», Борис Галин сразу же помчался в 89-ю гвардейскую дивизию, получившую три дня тому назад звание Белгородской. В газете появился его подвальный очерк «89-я Белгородская». Он рассказывает о людях, их делах, переживаниях и замыслах. Удивительно точно, до мельчайших деталей восстановил Галин эти дни боев за освобождение Белгорода.

«36 часов дивизия вела бой на дальних подступах к Белгороду, а на вторые сутки вплотную подошла к старым, сильно укрепленным рубежам немецкой обороны. И здесь дивизия совершила неожиданный для немцев тактический маневр. Противник больше всего беспокоился за свои фланги — он знал о возросшем искусстве русских брать противника в клещи, расчленять и уничтожать его. А когда 89-я дивизия стремительным ударом всех трех полков, огнем артиллерии и авиации вклинилась в главный рубеж немецкой обороны, немцы, которые психологически не были к этому готовы, дрогнули».

Начались уличные бои. Они были трудными и ожесточенными. В очерке приводятся такие убедительные цифры: из 1500 немцев, уничтоженных дивизией, более 800 были убиты в самом городе. А наши потери в этих боях? Они вошли в очерк, но в газетные полосы не попали. В очерке остались лишь эпизоды героизма советских воинов; некоторые закончились трагически. Вот один из них. К стене разрушенного дома, где обосновался командир полка Рябцев, припадая к земле, приполз повар Свириденко с термосом за спиной. Хотел накормить своего командира полка:

— Пожалуйте завтракать.

Рябцев засмеялся:

— Погоди, возьмем город, тогда позавтракаем...

— Да ведь остынет, — как-то неуверенно сказал повар.

Но ординарец толкнул повара в плечо, показал на третий дом от угла и резко сказал: «Бери автомат». В этот миг вдруг засвистели пули со стороны третьего дома. И ординарец и повар мгновенно, не сговариваясь, заслонили собой своего командира. Свириденко погиб...

В особняке сбежавшего немецкого бургомистра Галин встретился с офицерами дивизии. Командир дивизии и начальник штаба работали над картой. Их мысли в эти минуты были далеко за Белгородом — на харьковском направлении. Они жили уже новой операцией. А перед тем как уйти, Галин услышал разговор, который стал заключительными строками его очерка:

«Офицеры, находившиеся в комнате, шепотом говорили о белгородском бое... Почему немцы, бросившие для защиты белгородских рубежей дивизии с отборным составом, танки, пушки, авиацию, потерпели поражение? Ряд преимуществ был на их стороне — господствующие высоты, хорошо подготовленные рубежи обороны. В чем же дело? Один из офицеров сказал задумчиво:

— Что-то случилось с немцем: он вроде и тот, и вроде не тот... Гвардии полковник поднял голову.

— Другое скажите, — проговорил он улыбаясь, — черт с ними, с немцами... Мы переменялись — и это главное: лучше воюем, умнее...»

14 августа

Первый раз харьковское направление появилось в газете 7 августа. Итак, впереди — Харьков. Думаю, нет необходимости говорить об оперативном значении этого узла сражения. Однако здесь велика и моральная сторона дела. Напомню, что первый раз немцы захватили город 25 октября сорок первого года. Он был освобожден 16 февраля сорок третьего года, а через месяц, 16 марта, его снова оккупировал враг. Не передать наших переживаний, тревог. И вот снова Харьков перед нами как самая ближайшая цель. Все наши устремления — к этой, как тогда говорили, второй столице Украины. Вернуть ее! И теперь уже навечно.

Харьков не сходит со страниц оперативных сводок. Каждый день, как они гласят, наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжают успешно развивать наступление, и в каждой сводке отмечается, сколько за день они прошли, какие районные центры, крупные населенные пункты и железнодорожные станции заняты. Можно сказать, полная гласность. Теперь, в отличие от прошлого, каждый любознательный читатель с картой в руках может прочертить линию фронта и сказать, сколько осталось до Харькова.

Точно такие же сообщения о брянском направлении. Много других материалов — репортажи, корреспонденции, статьи, очерки. Евгений Габрилович — на Западном берегу Северского Донца. Из этого района он прислал очерк о боевой страде полка, сражавшегося в тяжелейших условиях. В этих боях немцам удалось отбить одну деревню и окружить взвод бронейщиков. Шесть дней он стойко выдерживал атаки неприятеля, нес потери, но на крик немцев «русс, сдавайся!» отвечал огнем. И только на шестые сутки наши части выручили своих товарищей.

Габрилович шагает с бойцами. Остались позади первые десятки километров освобожденной харьковской земли, и он торопится передать в свою газету корреспонденцию «На Харьковщине». Она — о разбое немцев в поселках и городках — таких же, как на Орловщине и Белгородчине...

Уже четвертый день оперативные сводки дают отличающийся от прежнего текст: «На харьковском направлении наши войска отбивают контратаки пехоты и танков противника». Что происходит ныне на этом фронте, объясняют наши спецкоры в репортажах и корреспонденциях. Вот строки одной из них:

«В последние дни противник подтянул на харьковское направление значительные свежие резервы. Создавая группы пехоты и танков, противник часто предпринимает контратаки. Как правило, эти контратаки отличаются большой жесточенностью...»

«Следующие контратаки были предприняты более крупными силами... Отдельные позиции по несколько раз переходили из рук в руки... Крупные наземные силы поддерживаются значительными группами вражеской авиации...»

Теперь понятно, почему в последних оперативных сводках нет сообщений о продвижении наших войск вперед.

24 августа

Вновь появилось сообщение, что наши войска продолжают наступать на харьковском направлении, продвинулись на десятки километров, заняли города и населенные пункты. По их названиям видно, что до Харькова совсем близко.

И вот приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, в результате ожесточенных боев сломали сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков». Названы также имена командующих армиями и командиров корпусов и десяти стрелковых дивизий, отличившихся в боях за город. Этим дивизиям присвоено наименование Харьковских. Единственное, чего нет в приказе, — сообщения о присвоении названия «Харьковских» танкистам и летчикам. А жаль! Они сыграли важнейшую роль в этом сражении.

О значимости этой победы свидетельствует то, что салют произведен значительно большим количеством орудий и большим числом залпов, чем прежний. Естественно, эта победа освещается в газете очень широко. Целая полоса посвящена откликам на освобождение Харькова воинов наших фронтов, жителей республик и городов и, понятно, особенно горячо видных украинских деятелей.

Откликнулся на взятие Курска и Харькова Алексей Толстой. Любопытно, как Алексей Николаевич оценил весь ход Курской битвы. Это не оперативный разбор сражения, а писательские раздумья, и написаны они, я бы сказал, вольным стилем. Приведу несколько строк:

«Военные и штатские, фронт и тыл с затаенным волнением ждали немецкого летнего наступления... С волнением, думается мне, и немцы ожидали своего наступления. Начальство, конечно, говорило: «Еще одно усилие, и Красная Армия будет побеждена» и прочее, что в таких случаях у них полагается. Но каждый немец понимал, что это — последний крупный ход в игре.

Нельзя считать, что немецкая армия стала уж так слаба к своему третьему летнему наступлению. Нет, она ненамного стала слабее... У них были приготовлены новинки, разные «фердинанды», «тигры», модернизированные истребители и другая пакость... Итак, произошла проверка на деле. Бешеный натиск решающего всю судьбу войны немецкого наступления был подобен удару кулаком о каменную стену. Немезида, по-русски — судьба, сложила из трех пальцев дулю Гитлеру под самый нос: «Выкуси-ка!» Немцам пришлось перейти к обороне, затем — без передышки — к отступлению... контратакуя, контратакуя, контратакуя, потерять Харьков. Черт возьми!»

И — небольшой экскурс в историю: «Когда-то, в давние времена, русские были непобедимы в осаде. Величественные примеры тому: осада Стефаном Баторием Пскова, окончившаяся для поляков конфузней, и осада в Смутное время поляками Троице-Сергиевской лавры, также окончившаяся для врагов наших конфузней. Нынче в осаду хочет сесть немец, а мы не даем ему уцепиться за землю (мертвым — пожалуйста, цепляйся)...»

И в заключение: «В основе всего этого прежде всего лежат русский талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему. Слава освободителю Харькова».

Публикуются материалы разных жанров. Прежде всего — обзорная, оперативного характера, статья полковника В. Костылева «Ликвидация Белгородско-Харьковского плацдарма немцев». Удивительно емкая статья. На столе редактора она лежала уже в день

освобождения Харькова — 23 августа, и опубликовали ее на второй день, то есть в том же номере газеты, где был напечатан приказ об освобождении Харькова.

* * *

На второй и третий день — в газете корреспонденции, очерки, посвященные дивизиям, получившим названия Харьковских, статья Ильи Эренбурга о том, что делается по ту сторону фронта, в самой Германии. Убийственной критике он подверг гитлеровскую пропаганду. Писатель приводит, например, такое сообщение геббельсовской печати: «Не подвергаясь нажиму противника, германские войска планомерно эвакуировали Харьков. Город не представляет собой никакой ценности». И комментарии писателя:

«Битые фрицы еще охорашиваются. Они пытаются выдать свое поражение за прогулку: им, дескать, надоело жить в Харькове, они решили прокатиться на запад. Их выбили из Харькова, а они кричат: «Харьков не представляет для нас никакой ценности». Еще недавно они писали: «Харьков — ключ к Украине». Еще недавно они говорили об «исключительной ценности Харькова». Они потеряли слишком много. Поэтому они вопят: «Мы ничего не потеряли». Я не сомневаюсь, что, когда их вышибут из Украины, последний захудалый фриц, добежав с высунутым языком до Берлина, завопит: «Я ушел по доброй воле и только потому, что Украина не представляет никакой ценности».

Полгода тому назад, 16 марта, когда немцам удалось вновь захватить город, Эренбург напечатал в нашей газете статью «Харьков». Он писал, что нелегко нам было отдать город. «Мы знаем также: каковы бы ни были горести дня — мы должны победить, мы победим!» И вот пришла победа.

И закончил он статью такими несвойственными ему патетическими фразами: «Мы вышли в путь. Да будет услышан крылатый шаг Красной Армии всем миром! Да потрясет он врагов! Да вдохновит он друзей!»

* * *

Со взятием 23 августа Харькова завершилась почти полуторамесячная Курская битва. Она дала право назвать ее решающей битвой, а сорок третий год — решающим в Отечественной войне.

Далее — путь на запад. К Днепру. Однако в форсировании Днепра мне пришлось принять участие уже не как редактору».

Д.И. Ортенберг был послан на фронт начальником политотдела 6-й армии Юго-Западного фронта и успел к форсированию Днепра.

Источник:

- Ортенберг Д.И. Сорок третий: рассказ-хроника / Д.И. Ортенберг. – Москва: Политиздат, 1991. – 414 с.

Сверстать газету

Дневник Д. Ортенберга показывает, как изо дня в день создавалась одна из самых популярных газет военного времени – «Красная Звезда». Можно предложить ребятам самим сверстать свой собственный номер газеты, посвященный событиям Курской битвы. Это особенно будет полезно учащимся гуманитарных классов, слушателям Школы юных журналистов, всем, кто хочет попробовать себя в творчестве. Они не только смогут проявить свои способности, но и яснее представить, что происходило в стране в это время.

Любая газета состоит из нескольких обязательных компонентов. Задача участников этой своеобразной игры – придумать название газеты, слоган, подобрать в каждый раздел соответствующие материалы. Можно использовать ролевой формат (редактор, журналисты, дизайнер, верстальщик), что будет способствовать развитию навыков работы в команде, реализации творческих возможностей. Обсуждение результатов работы станет неплохим мастер-классом.

Если участвуют несколько команд, можно организовать конкурс на лучшую газету, парад презентаций. В газете можно также разместить материалы из семейных архивов, работы участников конкурсов на лучший очерк, стихотворение, посвященные Курской битве. Газеты станут оригинальным оформлением мероприятий, посвященных юбилею битвы на Курской дуге.

Ниже приводятся краткие рекомендации по оформлению и примерный вариант подобной газеты (предложенные материалы можно использовать при проведении мероприятий). Темы и количество рубрик могут быть изменены. Например, возможны ещё такие варианты: «Созвездие полководцев», «Подарок на фронт», «Их подвиги словно легенда» «Стяжали славу быть непобедимыми», «Боевой подвиг и боевая награда», «Курский излом: новое об известном» и т.д.

Постоянные элементы газеты.

Структура любой газеты состоит из определенных постоянных элементов, которые переходят из номера в номер без принципиальных изменений. К таким элементам можно отнести заглавие газеты, текст с заголовками и иллюстрациями. Для разделения текстовых материалов и иллюстраций используются различные разделительные средства: линейки, пробелы, различные фигурные элементы (звездочки, ромбики и т.п.). При создании узких текстовых колонок желательно применять межколонные линейки, что предотвращает возможное слияние соседних строк.

К постоянным элементам номера относятся также служебные детали, то есть колонтитулы, выходные сведения.

Заглавие газеты

Заглавие (заголовочная часть) газеты состоит из нескольких основных элементов — это название газеты, слоган, наименование издателя или/и указание, в чьих интересах издается газета, календарные сведения, порядковый номер, год начала издания. Иногда здесь же указывают периодичность выхода газеты. Газеты, отмеченные правительственными наградами, помещают их изображения в заголовочной части. Обычно заглавие газеты имеет постоянный размер. Иногда оно располагается по всей ширине первой полосы одной большой строкой. Такой заголовок весьма эффектен, ярок, хорошо смотрится. Чаще всего название газеты состоит из одного-двух слов.

Формат газеты

От формата газеты, то есть от размера газетной страницы, зависят как количество и объем публикуемых в номере текстовых и иллюстрационных материалов, так и их расположение и оформление.

Газетная полоса

От формата газеты, то есть от размеров ее страницы, зависит формат газетной полосы. Полоса — это запечатанная площадь газетной страницы. Полоса всегда меньше газетной страницы, в которую, кроме полосы, входят верхнее, нижнее и боковое поля и часть средника, разделяющего смежные полосы газеты. Обычно полоса занимает $\frac{4}{5}$ площади газетной страницы.

С форматом газеты связано число текстовых колонок на полосе. Многоколодная верстка открывает большие возможности для динамичного и яркого оформления издания. Чем больше колонок имеется в распоряжении верстальщика, тем больше он может использовать различных вариантов размещения материалов на полосе. Слишком узкая колонка будет неудобочитаемой, поскольку из-за этого получается рваный набор, появляется большое количество переносов и пр.

Объем газеты

От формата газеты, размеров ее полосы, а также от количества полос номера зависит объем газеты. Чем больше формат, тем, естественно, больше материалов можно поместить в номере.

Элементы планирования газетной полосы

Передовая статья — «передовица» — публикация, нацеливающая на основную идею номера.

Подборка — объединение нескольких материалов на основе какого-либо общего их качества. Старейшая форма подачи материалов, которая облегчает систематизацию материалов, а значит, и восприятие; позволяет глубже разработать тему.

Тематическая страница — тематическая подборка размером с полосу.

Газетный «подвал» — крупный материал, разверстанный внизу полосы либо на все колонки, либо на большую часть колонок полосы.

Газетный «чердак» — перевернутый «подвал».

«Окно» — материал, заверстанный в углу или на центральных колонках.

Газетный разворот — две смежные полосы газеты, на которых размещены материалы одной подборки.

Страница-плакат — тематическая страница, особым образом оформленная, с таким расчетом, что ее можно вывешивать отдельно как любой плакат.

Обменная страница — тематические страницы, которые одновременно готовят две дружественные, родственные редакции с целью расширения своих читательских аудиторий.

«Газета в газете» — выпуск, имеющий свое название, мини-газета со своими целями, рубриками, направленная на часть аудитории основной газеты.

Сменная страница — основная газета «расширяет» тираж так, чтобы в определенный регион поступило основное издание с отдельной(-ыми) страницей(-ами), рассчитанной(-ыми) и подготовленной(-ыми) специально для читателей этого региона.

Примерный вариант газеты, посвященный юбилею Курской битвы.

КУРСК = ПОБЕДА!

Дойдём до Берлина!

Газетный «чердак»					
Заглавие				Слоган	
Выходные данные					
Передовая статья	Тематические подборки				
Газетный «подвал»					«Окно»

ГАЗЕТНЫЙ «ЧЕРДАК»

Историческая победа Советских Вооруженных Сил в битве под Курском имела огромное международное значение. Народы всего мира воочию увидели, что, несмотря на отсутствие второго фронта в Европе, фашистская Германия поставлена перед военной катастрофой. Политика реакционных англо-американских кругов, направленная на затягивание Второй мировой войны и взаимное истощение СССР и Германии, зашла в тупик. Авторитет Советского Союза, как решающей силы в борьбе с фашистской Германией, окончательно утвердился.

ПЕРЕДОВИЦА

Рухнувшая «Цитадель»

Курская битва продолжалась 50 дней и ночей – с 5 июля по 23 августа 1943 года. Она включала в себя три крупных стратегических операции советских войск: Курскую оборонительную (5-23 июля), Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3 – 23 августа) наступательные операции. По своему размаху, привлекаемым силам и средствам, напряжённости, результатам и военно-политическим последствиям она является одной из крупнейших битв Второй мировой войны.

Замыслом немецкой операции «Цитадель» предусматривалось ударами по сходящимся направлениям с севера и юга по основанию Курского выступа окружить и затем уничтожить советские войска. В последующем намечалось развернуть наступление в северо-восточном направлении для создания угрозы Москве.

Важнейшим достижением советского командования в Курской битве явилось своевременное и полное вскрытие замысла и группировки сил противника. Определив направление главного удара врага, Верховное Главнокомандование приняло решение перейти к преднамеренной обороне, в ходе которой обескровить ударные группировки гитлеровских войск, а затем, переходом в контрнаступление, завершить их разгром.

В Курской битве советская военная стратегия, оперативное искусство и тактика еще раз доказали свое превосходство над военным искусством гитлеровской армии. Недооценивая мощь Красной Армии, немецко-фашистское командование не смогло вскрыть всей

системы советской обороны на Курском выступе, и поэтому её непреодолимость оказалась для немецких генералов полной неожиданностью.

В результате наступления по плану «Кутузов» была разгромлена орловская группировка немецких войск и ликвидирован занимаемый ею орловский стратегический плацдарм. В итоге операции «Полководец Румянцев» прекратила своё существование белгородско-харьковская группировка немцев и был ликвидирован этот важнейший плацдарм. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, начатый под Сталинградом, был завершён в Курской битве и сражении за Днепр.

Тысячи и тысячи подвигов совершали советские воины, отбивая яростные атаки танков и пехоты противника. Стойкими в обороне и решительными в наступлении показали себя в боях на Курской земле новосибирцы.

«Раздраженный неудачами и чрезвычайно большими потерями, Гитлер, как он всегда поступал в подобных случаях, всю вину за провал наступательной операции «Цитадель» переложил на головы своих фельдмаршалов и генералов. Он снимал их с должностей, заменяя, по его мнению, более способными. Гитлер не понимал, что провал крупной стратегической операции зависит не только от командующих, а определяется главным образом большой суммой военно-стратегических, политических, моральных и материальных факторов... Битва в районе Курска, Орла и Белгорода является одним из величайших сражений Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Здесь были не только разгромлены отборные и самые мощные группировки немцев, но и безвозвратно подорвана в немецкой армии и народе вера в гитлеровское фашистское руководство и в способность Германии противостоять все возрастающему могуществу Советского Союза».

Г.К. Жуков.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОДБОРКИ

Репортаж с передовой

* Военный корреспондент Евгений Воробьёв о битве на Огненной дуге: «Горизонт на юге исчез за дымом и землёй. Земля взметнулась вверх и осталась висеть чёрной массой, вопреки всем законам тяготения. Частицы земли, выброшенной из воронок, не успевали оседать, как новые взрывные волны увлекали их кверху, а вдогонку летели новые пласты вздыбленной земли».

* Борис Галанин «Перед штурмом»: «93-я дивизия нависла над противником с северо-восточной стороны... Полки вплотную подошли к стенам Харькова. Они готовились к решающему штурму. Впереди других полков дрался со своими подразделениями майор Рудик. По силе напора, стойкости и смелости можно было сразу узнать: здесь дерутся гвардейцы Рудика. Его подразделения врубались в боевые порядки немцев, таранили их, расчищая дорогу всей 93-й дивизии. В один из напряженных моментов боя связь с полком была потеряна. Над ним нависла угроза окружения. До шести утра Рудик не давал о себе знать. В штабе дивизии встревожились: где Рудик, где эта беспокойная душа? К рассвету Рудик вырвался из немецкого кольца и совершил шестикилометровый бросок к предместью города. «Я здесь, — радировал он. — Все в порядке, занимаю квартиры в 363-м квартале».

* Из очерка Евгения Габриловича и Зигмунда Абрамова «Вчера в Харькове»: «Проспект Сталина. На углу на перекрестке встречаем первого харьковского милиционера. За плечами у него винтовка. Милиционер Михаил Сербин – коренной харьковский житель. Он стоял на этом же перекрестке много лет и сегодня утром вместе с войсками вошел в город и занял свой пост. Сегодня ему приходится выполнять несколько необычную для милиционера работу. Правда, он с той же педантичностью регулирует уличное движение, как и в мирное время. Но на этот раз это уличное движение носит несколько необычный характер. Мимо него проходят артиллерия, тягачи, отряды минометчиков...»

«Тигры» горят

* Газета «Правда», 16 июля 1943 года: «История войн не знает ещё подобных примеров, когда бы в действие было введено такое огромное количество современной боевой техники. Достаточно сказать, что в боях на Орловско-Курском и Белгородском направлениях советские воины вывели из строя свыше 2 800 вражеских танков, свыше 1 300 самолётов врага. Обескровленный враг на Орловско-Курском направлении перешёл к обороне».

* П.А. Ротмистров «Стальная гвардия»: «12 июля. Наконец грянули первые залпы армейской артиллерийской группы. Ударили артиллерийские батареи непосредственной поддержки танков. Артиллерия вела огонь в основном по площадям – предполагаемым районам скопления танков врага и огневым позициям его артиллерии. У нас не было времени для того, чтобы точно установить, где расположены вражеские батареи и сосредоточены танки, поэтому определить эффективность артиллерийского огня не представлялось возможным.

Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздались залпы полков гвардейских минометов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. «Сталь», «Сталь», «Сталь», – передавал в эфир начальник радиостанции младший техник-лейтенант В. Константинов. Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные тридцатьчетверки. И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало наши контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку.

Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишённые в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом

и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем, что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул... Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. Тридцатьчетверки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни...

В середине дня четко обозначился успех на главном направлении. Первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии настойчиво теснил противника, нанося ему большие потери в живой силе и боевой технике. Мы выиграли территорию не так уж значительную, но сделали главное – во встречном сражении остановили и смяли ударную группировку врага, наступавшую вдоль железной дороги на Прохоровку. Острие танкового клина противника, надломленное в районе Обоянского шоссе, было сломлено.

Хочется подчеркнуть, что на всех участках развернувшегося 12 июля грандиозного сражения воины 5-й гвардейской танковой армии проявили изумительное мужество, непоколебимую стойкость, высокое боевое мастерство и массовый героизм, вплоть до самопожертвования... По-моему, в этот день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов, которые бы не проявили отваги и боевой доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями. Раненые не уходили с поля боя, танкисты, потерявшие свои боевые машины, дрались в пешем строю, расчеты противотанковых пушек бились до последнего человека...»

* Корреспондент «Красной Звезды» Павел Трояновский встретился с командующим артиллерии Центрального фронта генерал-лейтенантом В.И. Казаковым, старым знакомым еще с Московской битвы. Генерал рассказал о подвиге воинов 3-й истребительной противотанковой бригады полковника Рукосуева:

– Бригада уничтожила за один день тридцать танков. На второй и третий день отличилась батарея капитана Игишева: она сожгла семнадцать танков. Из всей бригады осталось одно лишь орудие и при нем трое героев. Командование уже не существующей, но все же сражающейся батареей принял старший сержант Склярков. С оставшимися артиллеристами он поджег еще два танка и заставил немцев отступить. Но и сам погиб от вражеской бомбы...

А затем Казаков протянул корреспонденту лист бумаги:

– Вот прочитайте. Интереснейший документ. Его бы в музей на обозрение всем. Это было донесение полковника Рукосуева. Были там трагические строки: «...Несмотря на ряд атак, наступление противника приостановлено. Первая и седьмая батареи дрались храбро, но погибли, не отступив ни на шаг. В первом батальоне противотанковых ружей 70 процентов потерь». И заканчивается донесение такой строкой: «Буду драться. Или устою, или погибну».

* Из воспоминаний участника сражения под Прохоровкой, заместителя начальника штаба 31-й танковой бригады, впоследствии Героя Советского Союза Григория Пэнэжко: «... В памяти остались тяжёлые картины... Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа... От выстрелов в упор сворачивало башни, скручивало орудия, лопалась броня, взрывались танки. От выстрелов в бензобаки танки мгновенно вспыхивали. Открывались люки, и танковые экипажи пытались выбраться наружу. Я видел молодого лейтенанта, наполовину сгоревшего, повисшего на броне. Раненый, он не мог выбраться из люка. Так и погиб. Не было никого рядом, чтобы помочь ему.

Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесной кабине танка. Одна мысль, одно стремление – пока жив, бей врага. Наши танкисты, выбравшиеся из своих разбитых машин, искали на поле вражеские экипажи, тоже оставшиеся без техники, и били их из пистолетов, схватывались врукопашную.

Помню капитана, который в каком-то исступлении забрался на броню подбитого немецкого «тигра» и бил автоматом по люку, чтобы «выкурить» оттуда гитлеровцев. Помню, как отважно действовал командир танковой роты Черторижский. Он подбил вражеский «тигр», но и сам был подбит. Выскочив из машины, танкисты потушили огонь. И снова пошли в бой».

* Очерк Константина Симонова «Второй вариант» – его третий очерк о Курской битве. Он посвящен оборонительным боям танковой бригады полковника Петрушина, где тогда был корреспондент. В бригаде хорошо понимали, что затишье скоро кончится, и готовились к оборонительным боям. Были разработаны пять возможных вариантов боевых действий. Вскоре после начала наступления немцев стало ясно, что бригаде предстоит действовать по второму варианту. Вот откуда название очерка...

«Тигры» понесли тяжелые потери, но все-таки обошли левофланговый батальон, вышли ему в тыл и стали прорываться через позиции мотопехоты. За ними плотнее, чем обычно, шла немецкая пехота. Положение становилось критическим. Исход боя зависел от того, выдержит ли мотобатальон в окопах, пропустит ли через себя танки или же не выдержит и начнет отходить. Но недаром всю весну мотопехоту обкатывали собственными танками... И когда сейчас уже вражеские танки прошли через нашу мотопехоту, бойцы дрались до последнего. Они сожгли семь «тигров»: оказалось, что и у «тигров» от метко брошенной противотанковой гранаты рвутся гусеницы и они тоже не хуже других танков горят от метко пущенной зажигательной бутылки... Имея в тылу вражеские танки, мотопехота отбила атаку немцев с фронта».

Партизанские вести

* Героическая борьба советских патриотов отвлекала силы противника с боевых участков фронта. Летом 1943 г. гитлеровское командование вынуждено было для борьбы с партизанами держать в своем тылу более 25 дивизий и большое количество карательных частей и подразделений.

Летом 1942 года под именем Николая Грачёва советский сотрудник органов государственной безопасности, разведчик Николай Иванович Кузнецов, был направлен в отряд специального назначения «Победители» под командованием полковника Дмитрия Медведева, который обосновался вблизи оккупированного города Ровно. В этом городе располагался рейхскомиссариат Украины.

С октября 1942 года Кузнецов под именем немецкого офицера Пауля Зиберта с документами сотрудника тайной немецкой полиции вёл разведывательную деятельность в Ровно, постоянно общался с офицерами вермахта, спецслужб, высшими чиновниками оккупационных властей, передавая сведения в партизанский отряд. Он один из первых сообщил о грядущем наступлении гитлеровцев на Курскую дуге.

* Приказ №0042 начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования П.К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне» г. Москва 14 июля 1943 г.

Советские партизаны своими действиями по разрушению коммуникаций противника оказывают большую помощь Красной армии в деле разгрома немецких захватчиков.

Уничтожение вражеских эшелонов, паровозов, вагонов, взрывов мостов, водокачек, железнодорожной связи и оборудования является важнейшей задачей партизанских групп и отрядов.

Огромный размах партизанского движения позволяет в настоящее время наносить массированные повсеместные удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах.

Такой удар советскими партизанами должен быть нанесен врагу рельсовой войной, т.е. массовым повсеместным уничтожением рельс. Враг уже сейчас испытывает недостаток рельс.

Запасные рельсы и многие рельсы станционных путей и второстепенных линий израсходованы на восстановление взрываемых партизанами путей.

Во многих случаях со вторых путей и второстепенных линий рельсы сняты и направлены в переплавку.

В этих условиях массовый вывод советскими партизанами рельс, путем перебивания их пополам, приведет врага к невосполнимым потерям и поставит в положение, граничащее с катастрофой.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Партизанским соединениям и отрядам, дислоцирующимся в районе железных дорог, одновременно с другими диверсиями, проводить систематическое и повсеместное разрушение рельс на железных дорогах врага путем перебивания рельс пополам.

2. Перебивание рельс производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами.

3. В целях внезапности удара первую операцию провести одновременно по сигналу Центрального штаба, а после этого действовать непрерывно, всеми средствами уничтожать рельсы.

4. Командирам партизанских отрядов следить и сообщать в штабы партизанских движений о скоплении эшелонов врага для бомбежки их советской авиацией.

5. Вести учет количества перебитых рельс каждым партизаном, отрядом и бригадой.

Центральный штаб партизанского движения входит в правительство с предложением об установлении наград, включая и высшие награды, партизанам и командно-политическому составу за количество перебитых рельс.

6. Центральный штаб партизанского движения предупреждает партизан и партизанок, командный и политический состав отрядов и бригад, что операция эта имеет исключительное значение, может сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение и призывает действовать непрерывно и беспощадно уничтожать рельсы врага, и пока враг восстанавливает один участок, взрывать другой.

Эти действия и их результат составят историческую заслугу партизанского движения перед Родиной.

7. Начальникам областных и республиканских штабов партизанского движения, в соответствии с разработанным при участии начальников оперативных отделов штабов и утвержденным мною планом проведения первой операции по рельсовой войне, немедленно приступить к заброске грузов и подготовке к проведению операции. Готовность к проведению удара сообщит ЦШПД. Ориентировка на проведение операции 27–30 июля с.г.

Начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, генерал-лейтенант П. Пономаренко»

** Походный марш курских партизан*

В тылу врага мы бьемся непреклонно,
Повсюду наши зоркие посты.
Взлетают к небу вражьи эшелоны,
Пылают склады, рушатся мосты.

За нашу кровь, за горе и за раны
Мы вражьей своре предъявили счет.
Смелее в бой, лихие партизаны!
За партию, за Родину, вперед!

Мы знаем все, и всюду нам дорога,
В глухую полночь, вьюгу и туман.
Нас было мало – нас теперь так много!
Растут отряды курских партизан.

Кровавым гадам нет от нас пощады,
Верутся села за топор и нож.
Штыком, гранатой, пулей и прикладом
Врага найди, свали и уничтожь!

Бойцы вспоминают...

* Из воспоминаний бердчанина А.Т. Шевченко. Александр Тимофеевич Шевченко прибыл на Центральный фронт в период интенсивной подготовки наших войск к сражениям на Курской дуге. Войска зарывались в землю: сооружали укрытия для танков и артиллерии, строили блиндажи, доты и рыли, рыли траншеи и ходы сообщений,

общая длина которых была равна чуть ли не расстоянию от Москвы до Владивостока.

Минометный полк, в котором Александр Тимофеевич был командиром минометного взвода, находился в резерве. Но вот наступил момент, когда прозвучала команда на выдвижение вперед, навстречу врагу. Враг, прорвав две линии нашей обороны, приблизился к станции Поньри. Сюда и был направлен минометный полк с задачей удерживать третью линию обороны. «Мы быстро заняли огневые позиции, – рассказывал позже Александр Тимофеевич, – и приготовились к встрече с врагом. Кругом было очень много нашей артиллерии.

Все ждали начала атаки. Напряженность стала нарастать с появлением немецких танков. Сосчитать их было невозможно: танков с крестами на борту было больше, чем копен сена на поле... Мы подпустили танки на близкое расстояние, чтобы уничтожить их наверняка. Стоило только нам это очень большого нервного напряжения. В грохоте выстрелов и разрывов снарядов разговаривать было бесполезно. Команды все подавались взмахами рук. Мы из своих 120 мм минометов тоже вели огонь зажигательными минами. Трудно было понять, чей выстрел накрыл цель, а количество подбитых и подожженных фашистских танков становилось все больше. Однако немцы продолжали двигаться вперед, достигали позиций артиллеристов. И тогда в дело шли гранаты.

За временем никто не следил, все были увлечены боем. Я и сейчас не знаю, сколько часов мы отбивали атаки врага, который умылся собственной кровью. Дальше враг не прошел. Отстреливаясь, немцы отвели изрядно поредевшие ряды своих танков. А на поле перед нами еще долго чадили костры отвоёванной немецкой техники...»

* Сергей Отрощенко сражался под Прохоровкой в качестве командира танкового взвода. К лету 1943 года он успел стать опытным танкистом. Вот как ему запомнилась Прохоровка: «Сейчас много написано о Прохоровском сражении, приводятся разные цифры и данные. Здесь нужно понимать, что я, в ту пору командир танкового взвода, не мог видеть и даже представлять всей картины боя. Конечно, никто не раскрывал мне стратегические замыслы командования. Я видел только свой небольшой участок этой битвы, о том, что видел и пережил сам, расскажу. Что такое командир взвода? Три танка. Делай как я, и вперед.

Я со своим взводом стоял на левом фланге, ближе к железной дороге. 12 июля, около шести утра, пошла команда «вперед!», и мы двинулись. Перед нами была траншея, в которой держали оборону мотострелки. Мы окоп проскочили, смотрим, а в нем уже немцы сидят. Они выбили нашу пехоту, и те рассредоточились по ближним оврагам. Немцы в этих окопах пехоту долго не пускали за нами. Пришлось даже отдельные машины разворачивать и выдавливать их оттуда.

Спереди слева от нас была небольшая роща. На нас из-за края рощицы выскочил Т-4, видимо, опешил, сразу увидев такую массу танков. Я подбил его в лоб первым выстрелом, в упор. Метров сто пятьдесят до него было. И начался страшный встречный бой. Немцы атаковали, в основном, «Тиграми» и Т-4, но были и Т-3, и самоходки «Фердинанд», 220 мм лобовая броня, чем ты ее пробьешь? У нас 76-миллиметровые орудия тогда были. Мой товарищ, командир второго взвода нашей роты Алексей Дроздов, новороссийский парень, вырвался со своим танком вперед. Его танк тут же подожгли. Леша, раненый двумя осколками в ногу, успел выскочить, но идти не может, лежит.

Тут немецкая пехота стала отходить из траншеи, заметили его. Фашист затвор передернул и в голову ему выстрелил. Леша закрыл голову рукой, пуля попала скользком в лоб, пробила щеку и раздробила мизинец на руке. Лицо в крови, немец, думая, что тот убит, плюнул и пошел дальше. А с Алексеем мы потом в госпитале встретились, он мне и рассказал об этом. Я стрелял, и по мне стреляли, в танк уже было несколько попаданий, но он не горел. В пылу боя попадания по своему танку не всегда даже замечаешь. Разве что разорвется мощная мина рядом с танком, а болванка только свистнет по броне.

Большую опасность для экипажа представляли осколки брони. Причем сама броня довольно вязкая, надежная, но грубо сваренные стыки броневых листов, окалина на внутренней отделке от попадания снаряда давали много мелких осколков, часто губительных для экипажа. Но, скажу прямо, танк Т-34 был сделан на совесть, с душой. Экипаж чувствовал себя защищенным. Другое дело, что артиллерия постоянно совершенствовалась, и неуязвимых танков не существовало.

В этом бою мне удалось подбить еще один немецкий танк, «Тигр». Он встал бортом ко мне, стреляя вдоль нашей линии атаки по другим танкам. Я по нему засадил двумя подкалиберными снарядами, потом двумя бронебойными, только после этого он загорелся. Когда экипаж стал выскакивать, дал еще по башне осколочным. Распластались они. Все перемешалось, немцы и наши были спереди и сзади. Германцы вояки серьезные. Увидел, как в пяти метрах сидит фриц, раненый, на наш танк – ноль внимания. Бьет из карабина по пехоте. Я его достать не могу, он в мертвой зоне, пулеметчик его не видит. Пришлось разворачивать танк, давить гусеницами».

С фронтовым приветом

* Письма с фронта

Как эти письма сильно ждут,
С тревогой и большой надеждой,
Их в руки с трепетом берут
И перегибы гладят нежно.
И милый сердцу треугольник –
Связующая с фронтом нить,
Он был лихой беды невольник,
Мог жажду жизни утолить.
И эти письма с фронта, строчки –
Кому на счастье иль беду,
Война расставила в них точки –
Я на алтарь судьбы кладу...

(А. Третьяков)

* 3 июля 1943 г. Одно из писем с фронта в Новосибирск.

«...Война изменила наши планы и мечты. Я, правда, еще не имел особых планов, но, по крайней мере, и моя жизнь пошла не так, как бы мне хотелось. Шура! Что ты думаешь делать после войны? Какие твои планы? Конечно, сейчас гадать очень трудно, так как нужно сначала дожить. Но, по-моему, право мечтать у нас никто не отобрал и не отберет. Так вот, если будет зависеть от тебя, что ты решишь? Будешь продолжать учебу в институте, или думаешь стать военным? Меня это здорово интересует. Мои планы такие: скорей всего, я останусь в армии на всю жизнь... Яков Кушман».

*8 августа 1943 г. Письмо в Новосибирск.

«Здравствуйте, Прасковья Андреевна! Это пишет Вам командир подразделения, где служит Ваш сын Карепанов Василий Михайлович. В первую очередь, разрешите поблагодарить Вас, Прасковья Андреевна, за воспитание Василия. Я, как командир нашей Красной Армии, очень доволен и горжусь Вами, что Вы отдали все силы на воспитание сына, который отважно бил немецкую свору. Ваш сын Василий – лучший боец – воин моего подразделения. Он отдает все силы на полный разгром немецких гадов. У него на счету немало уничтоженных «гансов». Василий – отважный боец, дисциплинированный, он учит других, как бить немцев. Его, то есть Василия, правительство наградило медалью «За отвагу». Свою гордость за Василия хочу передать Вам, Прасковья Андреевна. Гордитесь Василием и Вы. Это Ваша заслуга».

Всего два слова – Курская дуга. Как много это значит для поэта!

* Из поэмы «Поньри»

Я снова в памяти найду
Полоску розовой зари
И эту станцию в саду
С названьем странным – Поньри...

Огонь окопы бил внахлест,
У блиндажа трещала крепь,
И шла пехота в полный рост,
За цепью цепь, за цепью цепь.

Мы знали замысел врага:
Лавина танков фронт прорвет,
Загнется курская дуга
И в окружение нас возьмет.

И Курск, многострадальный Курск,
Его кудрявые холмы,
И к Сейму живописный спуск,
И все, что полюбили мы,

В тюрьме окажется опять,
Изведав краткий срок весны..
Нет, этот край нельзя отдать,
Здесь насмерть мы стоять должны.

Завыли бомбы. Черный вихрь
Засыпал не один блиндаж.
Приземистые танки «тигр»
Передний край прорвали наш.

Но все ж никто не побежал,
Не дрогнули порядки рот,
И каждый мертвый здесь лежал
Лицом к врагу, лицом вперед..

Иди вперед, воюй, гори...
После войны когда-нибудь

Вернись в родные Поньри,
Где начинал победный путь.

Пройди на станцию, на шлях,
Где страшный след сраженья свеж.
Какая сила в Поньрях
Железным сделала рубеж?

Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек,
Здесь русский человек стоял,
Советский человек.

(Е. Долматовский)

**Героям Орла и Белгорода*

В привычных сумерках суровых
Полночным залпам торжества,
Рукоплеща победе новой,
Внимала матушка-Москва.

И говор праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.

И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах –
Орел и Белгород – слова.

(А. Твардовский)

**После боя под Прохоровкой*

Он опустился на станину,
едва земли утихла дрожь.
Дым заволакивал долину,
ложился копотью на рожь.

На гильзе солнце заиграло.
Да было слышно в тишине,
как пламя танки дожирало,
гудя на вспученной броне.

Заглохли навсегда моторы.
А он сидел и жив, и цел,
уже забыв про танк, который
поймал в мутнеющий прицел.

Полынь качалась на пригорке.
Стрижи сновали в синеве.
Он пуговку от гимнастерки
искал в истоптанной траве.

Лишь где-то хлопали зенитки.
А он, воды напившись всласть,

все шурился, и тонкой ниткой
в ушко иглы не мог попасть...

(Г. Глазов)

* В сорок третьем, под Поньрями,
Враг пытался в смертельном бою
Бронированными кулаками
Выбить русскую душу мою.

Был огнем и железом испытан
И под Курском я, и под Орлом.
Ну а выжил и не был убитым,
И проверен на страх, на излом.

(А. Головков)

Из-за рубежа

* 6 августа 1943 года. Специальное послание президента США Ф. Рузвельта главе Советского правительства: «В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контр наступление, имеющее далеко идущие последствия... Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами».

* Глава английского правительства У. Черчилль: «Три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте».

* Английская газета «Дейли экспресс» писала в передовой статье 7 августа 1943 г.: «Победы в России создали определенные возможности в Средиземном море. Десяток германских дивизий мог бы удержать Муссолини у власти, но Гитлер не мог отвлечь из России даже такое небольшое число войск».

* Президент Ф. Рузвельт в дни подготовки к Тегеранской конференции высказал мысль о необходимости осуществить вторжение в Европу с запада. «...Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится».

* Американский историк М. Кейдин: «На карту было поставлено куда значительно больше, чем просто город Курск или продвижение по местности на север, юг и восток, а именно то, что никогда не отразилось бы на схемах и картах,— беспощадная расправа над русскими, и в этом заключалась суть немецкого плана: измотать, перемолоть, рассеять, убить и захватить... Позднее, если операция «Цитадель» пойдет так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву. Позднее он претворит в жизнь свой совершенно секретный план «Песец», и германские вооруженные силы молниеносным ударом оккупируют Швецию. Позднее он... усилит войска в Италии, чтобы отбить вторжение союзников и сбросить их в море, ибо он знал, что приближается время этого вторжения. Направит мощные подкрепления на Атлантический вал,— может быть, достаточные, чтобы сломить хребет силам вторжения из Англии... Это было не только русской судьбой, которая должна была решиться под Курском, а судьба самой войны».

* После окончания Курской битвы на местах боев побывал английский корреспондент Александр Верт: «Когда я ехал... от Волчанска на Валуйки и дальше на Белгород и Харьков, то видел, что район к северу от Белгорода до Харькова (где немцы проникли примерно на 50 километров в пределы Курского выступа) превратился в мрачную пустыню – даже все деревья и кусты здесь были сметены артиллерийским огнем. Поле боя все еще было усеяно сотнями сгоревших танков и разбитых самолетов, и даже за несколько километров отсюда в воздухе стоял смрад от тысяч полузарытых трупов... Вдали на холме под голубым летним небом виднелись руины церквей, остатки домов и одинокие печные трубы.. Руины на холме были развалинами Мценска. Две старухи и четыре кошки – вот все живые существа, которых советские солдаты нашли там, где немцы отошли 20 июля».

*В связи с ростом пессимистических настроений гитлеровское руководство приняло ряд срочных мер по «укреплению внутреннего фронта». Сразу же после поражения под Харьковом руководитель гестапо Гиммлер был назначен министром внутренних дел Германии. Этот кровавый палач, виновник гибели миллионов людей, должен был обеспечить «порядок» в стране и собрать необходимые материальные и людские ресурсы для поддержания трещавшего немецкого фронта на Востоке.

ГАЗЕТНЫЙ «ПОДВАЛ»

Меч, разрушивший гитлеровскую «Цитадель»

* Генерал-майор А.И. Миренков: «Без всесторонней и достаточной материальной подготовки победа в современном сражении невозможна. Напряжённой, поистине титанической работой тружеников тыла был выкован тот меч, при помощи которого удалось разрушить вражеские замыслы, измотать, обескровить и прогнать прочь с советской земли.

В успешном решении задачи материального обеспечения стратегической операции столь крупного масштаба сыграло свою роль то, что народное хозяйство страны, к тому времени уже полностью переведённое на военные рельсы, планомерно наращивало объёмы выпуска военной продукции. Красная Армия получила от промышленности 3 436 322 винтовки и карабина, 2 023 628 пистолетов-пулемётов, 66 867 миномётов, 80 538 орудий, 24 086 танков и самоходно-артиллерийских установок, 29 823 боевых самолёта, 82 674 тыс. артиллерийских выстрелов, 75 568 тыс. мин.

К этому времени на вооружение Красной Армии стало поступать значительно больше самолетов, танков, самоходно-артиллерийских установок, автоматического стрелкового оружия, зенитных пушек новейших типов. Появились новые истребители Як-7, модернизированные штурмовики Ил-2 и бомбардировщики Пе-2. Увеличился выпуск танков Т-34, стали производиться более совершенные системы полевой и реактивной артиллерии. Устаревшие типы вооружений или снимались с производства, или же их выпуск значительно сокращался.

Особенно большое развитие получила артиллерия, так как проведение наступательных операций Красной Армии было связано с прорывом сильно укрепленных рубежей. С целью повышения боевых возможностей стрелковых корпусов и общевойсковых армий, а также для дальнейшего усиления артиллерии резерва Верховного Главнокомандования была создана корпусная и армейская артиллерия. Впервые стали создаваться артиллерийские корпуса прорыва,

отдельные истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, пушечные артиллерийские дивизии.

Обеспечение войск материальными средствами зависело от своевременного восстановления железных дорог и более широкого использования автомобильного транспорта. Однако темпы восстановительных работ из-за сильного разрушения были значительно ниже темпов продвижения наступающих войск. Автомобильный транспорт не мог полностью обеспечить потребности фронтов, поскольку парк был малочислен и в районах боевых действий недоставало дорог с твердым покрытием.

В 1942–1943 гг. разворачивалось массовое партизанское движение, вследствие чего постоянно возрастал масштаб военно-экономических затрат на снабжение народных мстителей вооружением, боеприпасами и другими видами обеспечения. Кроме того, часть материальных средств в полосе действий фронтов шла на оказание помощи промышленным предприятиям, совхозам и колхозам, которые испытывали нехватку транспорта, рабочей силы, топлива, сырья.

Сельскохозяйственные продукты заготавливались не только для войск, но и для гражданского населения, оказывалось содействие при вводе в строй предприятий на освобожденной от противника территории. Все это значительно усложняло проблему снабжения действующей армии. К началу битвы под Курском обеспеченность боеприпасами Центрального и Воронежского фронтов составила: к стрелковому оружию – 1,2–2,0; выстрелов к наземной артиллерии – 2,0–8,6; выстрелов к зенитной артиллерии – 1,1–4,8; по минам – 1,3–3,9 боевых комплектов.

Учитывая размах и напряженность предстоящей борьбы с танками противника, тыловики проделали большую работу по обеспечению танковых и истребительно-противотанковых частей наиболее эффективными бронебойными снарядами, которые перед началом оборонительного сражения стали подаваться фронтам с центральных складов и баз автомобильным транспортом и авиацией. Объединения и соединения, находившиеся на предполагаемом направлении главного удара врага, по всем видам боеприпасов имели 3–5 боекомплектов, сосредоточенные же на других направлениях – 1,5–2 боекомплекта. Такое размещение запасов себя полностью оправдало.

Чтобы пополнить запасы горючего в действующей армии, перед началом Курской битвы были уменьшены лимиты расхода войскам и одновременно увеличен объем подачи горюче-смазочных материалов фронтам, оборонявшим Курский выступ. В целях обеспечения планируемого летнего наступления ГКО постановил создать запасы для фронтов в размере 20 заправок авиационного бензина и 15 заправок дизельного топлива за счет мобилизационного и государственного резервов, а также отгрузок горючего с нефтебаз.

Определенные трудности в накоплении запасов фронтов создавали загруженность железных дорог оперативными перевозками и плохое состояние грунтовых дорог в районе Курского выступа. Для обеспечения срочной подачи горючего распоряжением начальника тыла Красной Армии на московских складах и аэродромах в конце мая было затарено около 10 тыс. бочек с авиабензином, подготовлено для длительной транспортировки 150 цистерн, 200 грузовых машин находились в готовности к немедленной подаче горючего фронтам.

От НКПС потребовалась дополнительная перевозка 15 тыс. т автобензина, причем все эшелоны с высокооктановым бензином, подаваемые в июле 1943 года с Дальнего Востока, продвигались на

правах оперативных транспортов.

Возможности сельского хозяйства, несмотря на увеличение посевных площадей за счет освобожденных районов, не обеспечивали потребности Вооруженных Сил. Не хватало хлеба, мяса, жиров, шерсти, хлопка, кожи и другого продовольствия и сырья. Все это создавало значительные трудности в обеспечении войск.

К моменту перегруппировки основные базы снабжения созданы не были, в результате чего в новых пунктах размещения войск сложилась крайне тяжелая обстановка с обеспечением их продовольствием и оборудованием для приготовления пищи и выпечки хлеба. Личный состав полков и батальонов, следовавший к линии фронта походным порядком, вынужден был нести на себе продовольственный запас на двое-трое суток, боеприпасы, пулеметы и даже батальонные минометы. Тогда по решению начальника тыла Красной Армии была организована доставка продуктов питания авиационным транспортом, который сбрасывал груз в районе Фатежа.

Жители Курской области оказывали большую помощь войскам, занимающим оборону, особенно тогда, когда доставка продовольствия была сопряжена с огромными трудностями. А ведь каждый килограмм хлеба, картофеля, крупы приходилось отрывать от своего более чем скромного стола. Жители окрестных сел и деревень на своих конных упряжках подвозили подводами боеприпасы и продовольствие, снабжали войска картофелем и овощами, раненых в госпиталях обеспечивали молоком и яйцами.

Благодаря принятым мерам обеспечение объединений, соединений и частей Центрального фронта продовольствием значительно улучшилось. Уже к 3 июня 1943 года фронт располагал основными продуктами питания на 20-30 суток, из них в войсках имелось не менее 5, а на армейских складах 5-6 сутодач. В первую очередь обеспечивались войска, сосредоточенные вблизи переднего края. Большая часть фронтовых и армейских запасов продовольствия была передана в дивизии и полки.

Командование фронта неослабно следило за питанием личного состава. Особой заботливостью отличался К.К. Рокоссовский. Он всегда интересовался, как накормлены люди. Однажды в непринужденной беседе Константин Константинович говорил: «Хорошо солдату, когда он во втором эшелоне, когда может схватить котелок и запросто смотаться к повару Федосеичу или Митричу, и тот прямо из котла – с пылу, с жару зачерпнет щедрым черпаком наваристого борща и гречневой каши с мелко нарезанным мясом, называемым гуляшом. А если ты в траншее, на самой передовой? Жди, когда тебе по ходам сообщения принесут борщ в термосе, а то и в ведре, остывший и разболтанный...»

Кстати, во время Великой Отечественной войны были изобретены и опробованы такие замечательные агрегаты, как ранцевая кухня, хлебопекарная печь КПН, мельница с вертикальными жерновами. Некоторые эти новшества также получили путевку в жизнь в период Курской битвы.

С началом битвы на Огненной дуге 5 июля 1943 года понятия передовая и тыл мгновенно стерлись. Водители под огнем противника подвозили боеприпасы на огневые позиции и вывозили раненых в медицинские учреждения. Личный состав продовольственной службы выпекал хлеб, готовил горячую пищу и доставлял на передний край. Военные медики оказывали первую помощь, многих раненых оперировали, а если требовалось, брали в руки оружие. Восемь суток

непрерывного оборонительного сражения соединения, части и учреждения тыла бесперебойно обеспечивали войска всем необходимым для отражения ударов противника. Только расход боеприпасов по Центральному фронту за это время составил 1632 вагона, а по Воронежскому – 960. В общем расходе боеприпасов большую часть составили артиллерийские выстрелы и мины (Центральный фронт – 93%, Воронежский – около 82%).

Изматывая врага в оборонительном сражении, советское командование продолжало подготовку к переходу в контрнаступление, что позволило избежать длительной паузы между окончанием оборонительных боев и переходом в наступление. К началу контрнаступления фронты были обеспечены горючим и боеприпасами в достаточном количестве.

Напряженные наступательные бои, связанные с необходимостью прорыва сильно укрепленной обороны противника, увеличили число санитарных потерь, что обусловило соответствующее увеличение объема работы медицинской службы, а также других служб. Значительно возросли финансово-экономические затраты на лечение раненых и больных. Огромная нагрузка легла и на военнослужащих, занятых эвакуацией раненых с поля боя.

Напряженным для медицинской службы сухопутных войск было положение с санитарями и санитарями-носильщиками. В стрелковой дивизии удельный вес их составлял всего 0,62% по отношению к общей численности дивизии, что было значительно меньше, чем в английской (2,25%), немецкой (1,8%) и американской (1,4%) армиях. Кстати, в русской армии этот контингент в 1914–1917 гг. составлял 3,6%. Нехватка санитаров в частях и подразделениях приводила к тому, что эвакуация раненых с поля боя производилась не всегда своевременно.

Опыт войны показал, что в армиях на каждые 100 человек должно приходиться 8,53 госпитальные койки. Примерно такое же количество коек следует иметь в каждой армии в составе госпитальной базы фронта. К середине 1943 года мощность госпитальных баз армий и фронтов была усилена, что способствовало лечению основных контингентов раненых и больных в армейских и фронтовых районах. Медицинский состав был в целом равномерно распределен по фронтам, однако предпочтение отдавалось тем из них, которые вели наиболее активные боевые действия.

В Курской битве органам управления, всем службам, соединениям, частям и учреждениям тыла впервые за время войны пришлось решать столь масштабные задачи. Несмотря на определенные недостатки и упущения, в целом тыловым службам удалось с ними справиться. Опыт, накопленный во время подготовки к битве, в оборонительном сражении и контрнаступлении, имел огромное значение для совершенствования работы всех звеньев тыла и широко использовался в последующих операциях Великой Отечественной войны. Не потерял он своей ценности и в современных условиях».

ГАЗЕТНОЕ «ОКНО»

Советуем прочитать:

- Алексеев, М.Н. Солдаты: Роман / М.Н. Алексеев. – Москва: Воениздат, 1967. – 642 с.
- Ананьев, А.А. Танки идут ромбом: роман / А.А. Ананьев. – Москва: Воениздат, 1988. – 188 с.

- Баграмян, И.Х. Так шли мы к победе / И.Х. Баграмян. – Москва: Воениздат, 1988. – 610 с.
- Букейханов, П.Е. Курская битва: Перелом. Сражение на южном фланге Курской дуги. Крах операции «Цитадель». Июль 1943 г. / П.Е. Букейханов. – Москва: Центрполиграф, 2012. – 543 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т.3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – Москва: Кучково поле, 2012. – 864 с.
- Венок славы: антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти т. Т.5. Курская дуга. – Москва: Современник, 1984. – 591 с.
- Военно-исторический журнал. – 2003. – №8. (тематический номер)
- Замулин, В.Н. Засекреченная Курская битва. Секретные документы свидетельствуют / В.Н. Замулин. – Москва: Эксмо, 2007. – 784 с. – (Великая Отечественная: Цена Победы).
- Замулин, В. Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны / В.Н. Замулин. – Москва: Эксмо, 2007. – 1000 с. – (Великая Отечественная: Цена Победы).
- Корниш, Н. Курская битва: Величайшее в истории танковое сражение: Июль 1943 / Пер. с англ. / Н. Корниш. – Москва: Центрполиграф, 2013. – 223 с.
- Мошанский, И.Б. Триумфы и трагедии великой войны / И.Б. Мошанский, А.В. Исаев. – Москва: Вече, 2010. – 624 с.
- Огненная дуга (тематический номер) // Родина. – 2013. – №7. – С. 2–53.
- Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский– Москва: Воениздат, 1968. – 217 с. – (Военные мемуары).

СТРАНИЦА-ПЛАКАТ

Карты боевых действий

ИСТОЧНИКИ:

- Венок славы: Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти т. Т.5. Курская дуга. – Москва: Современник, 1984. – 591 с.
- Игнатовский, П. Курская битва: вклад тыла / П. Игнатовский // Экономист. – 2008. – №5. – С. 16-42.
- Конев, И.С. Записки командующего фронтом / И.С. Конев. — Москва: Наука, 1972. – 358 с.
- Кузнецов, И.В. История отечественной журналистики (1917-2000): учебный комплект / И.В. Кузнецов. – Москва: Флинта : Наука, 2002. – 640 с.
- Кустов, М. Прохоровка глазами командира взвода Т-34 / М. Кустов // Военно-промышленный курьер. – 2017. – 14 июля.
- Миренков, А. Меч, разрушивший гитлеровскую «Цитадель»: [битва на Курской дуге] / А. Миренков // Военно-исторический журнал. – 2000. – №6. – С. 21.
- Письма с фронта. – Новосибирск: ОГУ «Государственный архив Новосибирской области», 2005. – 233 с.
- Ротмистров, П.А. Стальная гвардия / П.А. Ротмистров. — Москва: Воениздат, 1984. — 272 с. – (Военные мемуары).
- Сорокин, А. Операция «Рельсовая война». 1943 год / А. Сорокин // Родина. – 2015. – №5. – С. 107-113.
- Дубина, Н. Основы оформления газеты [Электронный ресурс] / Н. Дубина // Компьюарт: журнал о полиграфии, дизайне, графике. – Режим доступа: <https://compuart.ru/article/15410> (дата обращения 19.03.2018).
- Бердчане на Курской дуге [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.berdsk.orthodoxy.ru/literat/berdskwar/kursk6.htm> (дата обращения 02.11.2017).
- Курская битва [Электронный ресурс] // Википедия : Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Курская_битва (дата обращения 21.11.2017).
- Саматов, Р. Газета «Красная Звезда» во время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://quick-news.pro/gazeta-krasnaya-zvezda-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения 19.03.2018).